О. Ю. БЕССМЕРТНАЯ

Бессмертная Ольга Юрьевна
кандидат культурологии
старший научный сотрудник,
Институт классического Востока и античности,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Россия, 105066, Москва, Старая Басманная ул., 21/4, стр. 3
Тел.: +7 (495) 772-95-90
E-mail: obessmertnaya@hse.ru

«Алые розы Востока»: «панисламизм», ориентализм и шпиономания в последние мирные годы Российской империи. *Разведывательная империя*?[1]

Аннотация. В статье исследуется дискурс о панисламизме (воображаемой угрозе возникновения всемирного мусульманского государства — антипода европейской цивилизации в целом и Российской империи в частности). Рассматриваются культурные механизмы производства этого дискурса и причины его устойчивости в российских имперских ведомствах (преимущественно МВД) в 1910–1914 гг., осуществлявших контроль над населением мусульманских районов страны и влиявших на выработку методов управления ими. Дискурс о панисламизме предстает как один из институализированных способов конструирования «собственного» российского «мусульманского Другого» и одновременно образа «внутреннего врага». Центральный вопрос исследования — сохранение продуктивности и объяснительной силы этого дискурса, несмотря на его инструментализацию — манипуляцию им ради внеположных ему прагматических целей. Примеры такой инструментализации выявлены в переписке между центром и местными органами власти (относящейся главным образом к Туркестану и Бухаре), а также в конфликтах между представителями имперских ведомств (МИД, МВД, Военное министерство, туркестанский генерал-губернатор). Соответственно, дискурс о панисламизме анализируется как одна из характеристик «культурного воображения» чиновников

[1] Предлагаемая статья представляет разработку вопросов, сформулированных в первой версии в [Бессмертная 2014]. Я признательна участникам обсуждения моего доклада на ту же тему на конференции Международной ассоциации гуманитариев (Львов, июнь 2016 г.), особенно П. Верту и Б. И. Колоницкому, а также участникам семинара ИВКА РГГУ (Москва, декабрь 2015 г.), где я представила расширенный вариант доклада, и отдельно С. Н. Абашину, В. О. Бобровникову и М. А. Давыдову, любезно согласившимся высказать замечания к промежуточному варианту текста статьи. За все просчеты, разумеется, отвечаю только я.

© О. Ю. БЕССМЕРТНАЯ
DOI: 10.22394/2412-9410-2018-4-1-9-44

и жандармов. Причины устойчивости этого дискурса объясняются сложным сочетанием его черт. Его ориенталистский характер (когда мусульмане видятся как органическая культурная целостность) и конспирологические ожидания, в нем заключенные, превращали его в «тренировочную площадку» для шпиономании близящихся военных лет (их общая основа — унифицирующие, националистические устремления в отношении к имперскому разнообразию страны). Манипуляция этим дискурсом осуществлялась в категориях того же ориенталистского мифа. Вместе с тем, сочетаясь с противоположным (но столь же ориенталистским) модусом описания мусульман как массы, лояльной империи, «панисламизм» как «революционное движение» уподоблялся политической партии. Тем самым он воплощал страхи крушения существующего государственного строя (особенно характерные для периода после революции 1905–1907 гг. и усугублявшиеся революциями в соседних восточных странах). Всё вместе подпитывалось массовой литературой. Дискурс о панисламизме становился, таким образом, одним из средств компенсации фрустраций кануна Первой мировой войны. Видя себя представителями государства, вместе с ним отчужденными от общества, которое им надлежало контролировать, чиновники не находили иных средств получения информации о нем, кроме разведывательных (что предложено сравнить с французской и британской «разведывательными империями» межвоенного периода в трактовке М. Томаса). Дилеммы имперского разнообразия и национализма, собственно колониального управления оказывались здесь неотрывными от проблем во внутреннем политическом порядке.

Ключевые слова: Российская империя, начало XX в., мусульмане в России, панисламизм, ориентализм, шпиономания, разведывательные структуры, информация, массовая литература, колониальное государство, Туркестан, Бухара, МВД, Первая мировая война

Памяти Д. Ю. Арапова

— А чем же я гарантирован, что Вы не...
Али запнулся на полуслове.
— Что я не шпион? — с бесстрастной улыбкой
договорил за него старший.
— Это, конечно, довод, но… не из разумных.
В. А. Анзимиров и Дюметр.
Алые розы Востока (Тайны турецкой революции).
СПб., 1909

«Принося Вашему Превосходительству мою искреннюю благодарность за сообщенные мне в доверительном письме сведения о положении дел в Бухарском ханстве, не могу не высказать, что значительная часть сообщенных Вам агентами МВД фактов носит, по моему мнению, безусловно характер толков и слухов, которыми всегда полны восточные базары». Так ми-

нистр иностранных дел С. Д. Сазонов писал товарищу министра внутренних дел П. Г. Курлову 5 февраля 1911 г. в ответ на письмо того от 26 января. Он выражал при этом понимание всей сложности ситуации, в какой находились агенты МВД, отмечая «преувеличения, свойственные туземцам-разведчикам, через коих [тем агентам] приходится осведомляться». Одновременно, однако, он противопоставлял их справки, рисующие положение дел «в излишне сгущенных мрачных красках», — выверенным и «отфильтрованным» сведениям, поступающим от агентов МИДа [«Панисламизм» 1910. Ч. 1. Л. 203–204].

Раскритикованная Сазоновым справка Курлова о политическом положении в Бухаре [«Панисламизм» 1910. Ч. 1. Л. 201–202об.] содержала, разумеется, информацию о явлениях, для России опасных. Речь шла о мусульманских проафганских и протурецких течениях, активизировавшихся в Бухаре и направленных против Бухарского эмира (которому Россия «покровительствовала»[2]), — но Бухарой не ограничивавшихся. Охватывая весь Туркестан, эти течения, конечно же, несли с собой пропаганду и насаждение *панисламизма*, во имя которого их агенты вели «обширный военный и политический шпионаж». Так что опасности в Бухаре представлялись одним из проявлений этого «могучего», «грозного» и «революционного» «движения» в мусульманском мире. И справка, которую критиковал Сазонов, была лишь одним из множества примеров имперского дискурса о панисламизме — стандартного набора мотивов описания воображаемой панисламистской угрозы, помещаемых в актуальный политический контекст. Опасались, как хорошо известно, возникновения «всемирного» мусульманского государства, угрожающего европейской цивилизации (безусловно включая Россию) и самому прогрессу человечества (об этом подробнее речь впереди).

Более того, дискурс о панисламизме — во всяком случае, после Японской войны и революции 1905–1907 гг. — носил отнюдь не частный характер. Он составлял общую рамку, внутри которой или в соотнесении с которой в министерствах и органах безопасности поставлялась информация о мусульманских делах (да и в консервативном сегменте публичного пространства, в консервативной прессе он сходным образом определял способы говорения о мире ислама). Не выходит ли, что министр Сазонов, критикуя справку Курлова, будто спорил с этим модусом описания мусульман в России — или, во всяком случае, с его эксцессами? Может быть, он несколько «устал» от бесконечных повторений этого набора стереотипов? Мне придется ответить «нет»: спор был вызван иными обстоятельствами.

Стоит заметить, что текст справки Курлова был уже сильно сокращенным — за счет общих оценок — вариантом исходной справки, составленной начальником Туркестанского районного охранного отделения, подполковником Андреевым (9 декабря 1910 г.)[3]. Тем не менее в нем сохранились и множе-

[2] Бухарское ханство (Бухарский эмират) было российским протекторатом (хотя само это слово для описания статуса Бухары и Хивы современники использовали редко). См.: [Абдурасулов, Сартори 2016; Becker 2004].

[3] Исходная справка (направленная Курлову подполковником Андреевым) содержится в том же деле [«Панисламизм» 2010. Ч. 2. Л. 131–134об.]; она опубликована в [Арапов 2002: 128–130; 2006: 294–298].

ственность и повторяемость описываемых проявлений панисламистской угрозы, и наводненность рассказа эмиссарами, агентами и шпионами, и интенсивность предполагаемых внешних связей местных жителей. Экзотические «восточные» имена таких шпионов, увиденных, например, в афганских торговцах и их слугах, создавали впечатление информационной конкретности и даже выверенности текста, что, впрочем, сочеталось с изрядным числом маркеров неуверенности (или осторожности), вроде слов «будто» или «говорят»:

> Эмиссары Константинопольского Просветительного Общества, являющегося отделом известной политической партии «Единение и Прогресс», посещают Русский и Китайский Туркестан, а также Бухару с совершенно определенной задачей — проповедывать идеи панисламизма и возсоединение всех мусульман под знаменем обновленной Турции.
> Пропаганда панисламизма, находя отклик в верованиях народа, невольно влечет умы мусульманского бухарского населения в сторону мусульманских же государств и только лишь военная угроза со стороны России удерживает наиболее благоразумную часть населения от немедленного революционного выступления и государственного переворота.
> Весьма серьезным явлением представляется течение, идущее в Бухару со стороны Авганистана. Родственное по религиозным убеждениям, по быту и нравам население Авганистана имеет непрерывные торговые и иные сношения с населением Бухары. Авганистан начинает изучать Бухару в стратегическом и тактическом отношениях, учредив в названной стране и в Туркестане военный и политический шпионаж. Тот же Авганистан снабжает Бухару огнестрельным и холодным оружием, идущим туда контрабандным путем.
> По полученным сведениям, в настоящее время в Старой Бухаре пребывает группа лиц из Кабула, являющаяся центром сношений Бухары с Авганистаном. Лица эти: Ахмед-Джан, Сеид Мухаммед Хан и Мамед Керим Хан; в ближайших с ними сношениях состоят бухарцы Ишан Ибадулла Хан и Бурханеддин сын Бадреддина. Первый из них является духовным распорядителем, а Бурханеддин — главным заведывающим сбором пожертвований при проповедях панисламизма[4], он же расходует деньги на командирование подлежащих агентов.
> Столь же серьезным по связям и влиянию является некто Мухаммед-Гаус-Хан, авганец, поселившийся в гор. Старой Бухаре в качестве торговца и торгового агента. Служащие его, имея сношения не только с Бухарой, но и со всеми уголками Туркестана, ведут обширный, политический и военный шпионаж.
> В самое последнее время в Бухаре появился некий Мамед-Акбар-Хан, сын Сердара-Хаббибулла-Хана, который, будто бы, послан в Бухару братом Эмира Авганского Сердаром Насрулла-Ханом, при коем Акбар-Хан состоял ближайшим помощником в политических делах. Говорят, что на Акбар-Хана Авганским Эмиром возложена какая-то особая политическая миссия, во исполнение которой Акбар-

[4] Увязка пожертвований в пользу тех или иных зарубежных мусульманских институций или групп (обычно турецких) с панисламистским движением — постоянный мотив подобных справок. Часто речь шла о пожертвованиях на укрепление флота Османской империи.

> (так. — *О. Б.*) вступит в сношения с Бухарскими высшими духовными лицами, отправившими несколько времени тому назад в Авганистан миссию из одиннадцати лиц, ближайшим результатом чего явилось, будто бы, отправление в Бухару нескольких сотен молодых авганцев и возникновение пропаганды панисламизма в Хиве.
> По тем же сведениям ‹…›
> ([«Панисламизм» 1910. Ч. 1. Л. 201–202об.]; здесь и далее в цитатах сохранены элементы орфографии и пунктуация оригинала.)

Этот всплеск конспирологического мышления, нашедший выражение в терминах дискурса о панисламизме, действительно побудил С. Д. Сазонова напомнить его корреспонденту из МВД о тонкостях работы на «Востоке» и отметить (не впервые для правительственных планов) необходимость совмещения практики с систематическими востоковедными знаниями — впрочем, походя, лишь с тем, чтобы указать, кому и как на самом деле следует вести на «Востоке» разведывательные действия:

> В восточных странах требуется большой опыт и основательное знакомство с политическим положением, историей *и т. п.* (курсив мой. — *О. Б.*), чтобы правильно разбираться в преувеличениях, свойственных туземцам-разведчикам, через которых приходится осведомляться, — преувеличениях, достигающих часто фантастических размеров. В виду этого на агентах Мин-ва Иностр. Дел лежит обязанность тщательно проверять и фильтровать все поступающие к ним сведения и сообщать лишь такия, которые представляются более или менее правдоподобными [«Панисламизм» 1910. Ч. 1. Л. 203–2023об.].

Однако и этот межведомственный спор о сферах компетенций (и уровне компетентности) в деятельности по оценке степени «панисламизма», проникшего в Бухарское ханство, при всей его давности и многочисленности включенных в него действующих лиц[5], скорее всего, — лишь вершина айсберга. Как я предположу ниже, эта полемика в конечном счете упиралась в вопрос о целесообразности полного присоединения Бухары к России: те, кто выступали за аннексию, нагнетали опасность ситуации в Бухаре для России (а значит, и панисламистскую угрозу там); те же, кто был против присоединения, как МИД с Сазоновым во главе, были склонны уровень опасности снижать.

Мы сталкиваемся здесь фактически с прагматизацией, инструментализацией дискурса о панисламизме — превращением его в средство достижения конъюнктурных и внеположных ему самому целей, с манипуляцией им[6]. Замечу: это было возможно лишь постольку, поскольку этот дискурс — и

[5] О дискуссиях, шедших еще с 1908–1909 гг. между МИДом, МВД, Военным министерством и генерал-губернаторами Туркестанского края вокруг вопроса о том, как усилить и кому следует вести разведывательные действия в Бухаре и в Туркестане, и о предполагавшихся, в частности как раз в 1910–1911 гг., мерах по этому поводу, см.: [Котюкова 2016: 286–293].

[6] Яркий пример того, какие попросту «шкурные», личные интересы могут скрываться за тем или иным образцом «имперского нарратива», кажущегося на первый взгляд целостным и «объективным», см. в [Бобровников 2008: 319–321]; об иных подобных случаях будет сказано ниже.

выраженный в нем миф о панисламизме — действительно были к рассматриваемым годам санкционированы властью и утверждены практикой. Однако случаи полемики, подобные описанному, как и иные способы использования этого дискурса не (совсем) по его прямому назначению внутри самих органов власти оказываются отнюдь не редкими. Именно такие случаи внутренней полемики и манипуляции «панисламизмом» поставлены в центр моего рассмотрения. Цель — понять причины устойчивости во власти дискурса о панисламизме, сохранявшейся вопреки таким случаям.

В самом деле, казалось бы, как раз моменты подобной инструментализации «панисламизма» могли бы этот дискурс «расшатать»: ведь это ситуации, в которых сами его носители как будто выступают против сложившихся в нем стереотипов, как будто стремясь эти стереотипы оспорить, или даже встают над ними, когда манипулируют ими, будто отдавая себе отчет в их относительности. Однако разрушению и релятивизации миф о панисламизме не поддался, пережив (впрочем, не без изменений) и Великую войну (1914–1918 гг.), и 1917 год (в качестве «реакционного буржуазного движения» «панисламизм» войдет в советскую историографию и станет одним из обвинений в сталинских чистках, в качестве движения освободительного — в западную историографию периода «холодной войны»[7]). Что же придавало этому дискурсу прочность еще в последние мирные годы Российской империи (при всей условности слова «мирный» применительно к периоду после революции 1905–1907 гг.)?

Я буду искать ответ на этот вопрос в связях дискурса о панисламизме с более широким контекстом. Как правило, исследователи рассматривают одержимость «призраком панисламизма»[8], свойственную чиновникам, так или иначе участвовавшим в мусульманской политике российского государства, как характеристику и следствие этой политики (разнообразной, непоследовательной, невыработанной, спонтанной, тупиковой, репрессивной). Но не указывает ли этот способ конструирования «собственного» российского «мусульманского Другого»[9] и на некоторые характерные для рассматриваемого времени черты самого воображения этих чиновников — производителей и «пользователей» «панисламистского» дискурса (я имею в виду cultural imagination — культурно продиктованное воображение)? И не объясняют ли, в свою очередь, эти черты нечто в механизмах его устой-

[7] Вместе с тем обе историографии, как советская, так и западная, выступая на стороне «национально-освободительных движений», описывали репрессивную политику царизма сквозь призму борьбы с панисламизмом и пантюркизмом — несмотря на противоположные оценки ими этих движений в целом. Ср.: [Аршаруни, Габидуллин 1931; Климович 1936; Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1960; 1964; Zenkovsky 1960]. Этот прямолинейный взгляд на противостояние мусульман и государства порой возрождается в нациестроительских историографиях в мусульманских районах бывшей империи.

[8] Выражение «призрак панисламизма» восходит к знаменитой речи в Государственной думе участника мусульманской оппозиции и депутата мусульманской фракции думы Садри Максудова (Максуди) при обсуждении сметы расходов МВД 13 марта 1912 г. [Ямаева 1998: 193].

[9] Говоря о российском «собственном мусульманском другом» я отсылаю к выражению В. Тольц «собственный Восток России» — не без полемики, поскольку описываю те аспекты в отношении российских элит к Востоку, которые противоположны описанным ею [Тольц 2013].

чивости? Каким предстает здесь ви́дение этими чиновниками своего места и роли по отношению к людям, за которыми им надлежало следить и которыми надлежало управлять?

Моими персонажами станут главным образом чиновники МВД, лишь отчасти Военного министерства и МИДа. Речь пойдет о соотношении и взаимодействиях разных аспектов из сфер воображаемого и практического: того, что можно назвать «государственным ориентализмом» (т. е. способов описывать и создавать мусульманского «Другого», присущих бюрократии), ориентализма «массового» (проявляющегося, например, в популярной, массовой литературе), методов отбора информации в этих органах безопасности и мироощущения и самооценок этих людей как представителей государства[10]. Мне придется коротко задуматься и о том, как дискурс о панисламизме соотносился с иными, «позитивными» способами описания «мусульманского Другого».

Российский властный дискурс о панисламизме являет собою, несомненно, один из вариантов конструирования врага, как внешнего, так и — в еще большей степени — внутреннего. При предложенном ракурсе рассмотрения становятся особенно заметными его аналогии со шпиономанией, охватившей страну спустя несколько лет, в военные годы, чему создание внутреннего врага служило одновременно и основанием, и результатом[11]. Как показал в особенности Э. Лор, во время войны меры, направленные против иностранцев — подданных враждебных государств, были распространены на «российских подданных, выходцев из стран, воюющих с Россией», и даже шире, на те категории населения, «чья лояльность подвергалась сомнению по причинам этнической и конфессиональной принадлежности или страны происхождения». В частности, имели место и репрессии против российских подданных — мусульман, которые вошли в число российских меньшинств, воспринятых как внутренний враг (реальный или потенциальный — главным образом из-за их предполагавшейся связи с враждебной Турцией), хотя они и уступали первенство в такой воображаемой «пятой колонне» немцам и евреям [Лор 2012: особ. 11–12, 180–181][12]. В этом свете довоенный дискурс власти о панисламизме предстает как один из элементов назревавшей военизирован-

[10] Ср. сходное направление исследовательского взгляда в [Thomas 2008; Satia 2008; Morrison 2009].

[11] О волне шпиономании, поднятой превращением в шпиона отдельной личности (полковника С. Н. Мясоедова), с отсылкой к будущим сталинским чисткам см.: [Фуллер 2009].

[12] В красочных речах мусульманских депутатов Государственной думы, склонных еще более политизировать ситуацию и акцентировать, в борьбе за равноправие, репрессивные аспекты правительственной политики, масштабы противомусульманских репрессий могли представать преувеличенными (особенно в сравнении с репрессиями против российских немцев и евреев). Однако сами факты, ими приводившиеся, подтверждаются. Примеры физических репрессий касались в первую очередь событий 1914 г. в Карсской и Батумской областях, в Закаспийской области, а также подавления восстания 1916 г. в Туркестане и Степных областях. См., в частности, выступления и записки депутатов М.-Ю. Джафарова, К.-Б. Тевкелева (председатель мусульманской фракции в III и IV Государственной Думе), И. А. Ахтямова в 1915–1916 гг. [Ямаева 1998: 252–256, 264–267, 267–270, 270–272]; ср. [Дэвис 2013: 53–57]. Факты, приводившиеся в депутатских речах, зачастую специально проверялись в департаментах МВД (см., например, по поводу речи Тевкелева: [«Панисламизм» 1916. Л. 14–15]). Пресса, в свою очередь, нагнетала атмосферу, не чураясь живописных измышлений.

ности мировосприятия определенных слоев тогдашнего российского общества — умонастроения, как раз и выражающегося в склонности к созданию врага и поискам шпионов. Это не значит, что дискурс этот в военные годы просто продлился и активизировался, никак не изменившись. Скорее, в его довоенных воплощениях стоит видеть своего рода «тренировочную площадку» шпиономании, обеспечившую не столько прямую преемственность, сколько подготовленность событий военных лет. Это была «площадка», где созревали ожидания, легшие в основу представлений военного времени о принадлежности мусульман к «пятой колонне», и «отрабатывались», делались привычными навыки и приемы шпиономании вообще. Одновременно этот дискурс служил одним из каналов, куда направлялись соответствующие взгляды и чувства. Мы увидим дальше, что названная аналогия не случайна: довоенный дискурс о панисламизме и шпиономания военных лет имеют общие корни, что отчасти поможет понять и механизмы устойчивости первого. Но прежде чем вдуматься в природу этих связей, обратимся к самому дискурсу о панисламизме.

* * *

Миф о панисламизме как аспект российской государственной мусульманской политики уже не раз был описан исследователями (что обычно сопрягалось с констатацией тупиков и слабости такой политики)[13]. Отмечу, что приверженность этому мифу отнюдь не была российской спецификой: она в не меньшей степени заразила Европу. Показательно, что вера в панисламизм сыграла весьма существенную — и парадоксальную — роль в ходе событий Первой мировой войны. «Джихад: сделано в Германии», — в таких терминах нередко описывают объявление религиозными авторитетами Османской империи войны против стран Антанты 14 ноября 1914 г. План объявления джихада был выработан в Германии и основывался на убежденности кайзера Вильгельма II и некоторых политиков-востоковедов (в первую очередь Макса фон Оппенгейма) в силе и революционном потенциале панисламизма, который должен был под знаменем джихада поднять мусульман в Великобритании, Франции и России против их метрополий[14]. Прямолинейные трактовки историками этих обстоятельств подверглись критике в ученом сообществе (в частности, потому что они недостаточно учитывают участие турецких радикальных и/или авантюрных политиков в принятии решения о джихаде), но значимость европейского мифа о панисламизме была этой критикой лишь

[13] В русле новой имперской истории, трактующей мусульманскую политику государства как способ управления различиями, миф о панисламизме рассмотрен, в частности, в следующих трудах: [Джераси 2013; Campbell 2015 (см. также ряд предшествовавших этой книге статей и диссертацию этого же автора: [Воробьева 1999]); Morrison 2009; Bessmertnaïa 2006; Бессмертная 2010; 2017]. Разнообразие взглядов на мусульманский вопрос в верхах империи демонстрируют многочисленные архивные публикации Д. Ю. Арапова и его обобщающая монография [Арапов 2004]; см. также: [Арапов, Котюкова 2004]. Напомню, что панисламистский сюжет в историографии много старше (даже если не упоминать востоковедческие работы рассматриваемого времени); см. прим. 7.

[14] Метафора восходит, видимо, к Снуку Хюргронье, уже в 1915 г. выступившему с критикой этой политики в статье под названием «Священная война, “сделано в Германии”» (The Holy War “Made in Germany” [Hurgronje 1923]; см. подробнее: [Schwanitz 2004: особ. 6–7, 22n]). В дальнейшем эта метафора превратилась в клише, встречающееся во многих исследованиях на эту тему. О Максе фон Оппенгейме см. специально: [Gossman 2013].

подчеркнута[15]. И если Германия пыталась поставить панисламизм себе на службу, то действия ее противников, продиктованные той же логикой, отличались лишь тем, что более прямо зависели от опасений, которые он вызывал, хотя и редко оправдывал[16]. Стоит вспомнить, что и сам термин «панисламизм» изобрел еще в конце 1870-х годов (по образцу «панславизма» и «пангерманизма») венгерский востоковед А. Вамбери, а популярность он приобрел под пером французского журналиста Габриела Шармса (G. Charmes), развившего эту тему сначала в статьях, а затем в книге «Будущее Турции: Панисламизм» (L'Avenir de la Turquie: le Panislamism. Paris, 1883) [Landau 2002].

Подчеркну: обращаясь к российскому дискурсу о панисламизме, я не ставлю вопрос о том, как он соотносился с реальностью, — точнее, о том, был ли «панисламизм» только мифом. Вопрос стоит, как уже было сказано, о способах описания (и конструирования) «реальности», которая воображалась (и потому становилась реальной) авторами таких высказываний. Отмечу, однако, что трактовки панисламизма как такового в историографии по-прежнему располагаются в весьма широком спектре (даже если не иметь в виду их новейшие метаморфозы, связанные с сегодняшним исламским терроризмом). Среди таких трудов те, что — во многом подхватывая взгляды, распространенные еще в рассматриваемое нами время, — видят в панисламизме реальность, то, «как это было на самом деле» в мусульманском мире. И те, что в продолжение предыдущей позиции обсуждают, вслед за Б. Льюисом, соотношение панисламизма культурного — т. е. идей о единстве всех мусульман мира, рождающихся среди мусульманских элит в ответ на европейскую колониальную экспансию, — и панисламизма политического. Последнее ведет, однако, к рассмотрению политической эффективности такого панисламизма и обнаружению его фрагментированности и гетерогенности, попросту отсутствия какого-либо единого движения, руководствующегося соответствующими лозунгами. Появились исследования, где фокус рассмотрения смещается на конкретные политические и социально-экономические обстоятельства складывания и политического использования той или иной панисламистской доктрины ее создателями в конкретных странах. Есть и исследования, которые подчеркивают, что в основе подобных идей – националистические, а не религиозные корни; они переосмысляют, тем самым, генезис панисламистских концепций (обнаруживается, что последние не могут быть возведены к традиционным идеям мусульманской уммы)[17]. Добавим к этому

[15] См. в частности: [Marchand 2009*:* 438–441]. Я признательна Вере Тольц за указание на эту книгу.

[16] М. Рейнольдс пишет: «Весьма характерно, что тогда как чиновники в Российской, Британской и Французской империях лелеяли свои страхи перед панисламистской подрывной деятельностью в масштабах, превосходящих все пропорции, сколько-нибудь соответствующие фактам, германские стратеги, на тех же основаниях, предавались фантазиям о том, как они поднимут массовые восстания мусульман, чтобы низвергнуть империи-соперницы. Надежды на мусульманскую ярость, как и страхи перед нею, оказались сильно преувеличенными» (Notably, whereas officials in the Russian, British, and French empires nurtured fears of pan-Islamic subversion out of all proportion to what the evidence suggested, German strategists for the same reasons fantasized about inciting mass uprisings of Muslims to bring down their rivals' empires. The hopes for and fears of Muslim rage would prove to be vastly exaggerated) [Reynolds 2011: 18].

[17] Назову лишь некоторые примеры: [Landau 1990 (один из примеров наследования прежних европейских взглядов); Lewis 1968: 341–342; Burke 1972; 1975; Triaud 1995; Özcan 1997; Deringil 1998; Karpat 2001; Georgeon 2003; Khalid 2005; Thomas 2008; Reynolds 2011].

проблему источников — европейских, русских и даже османских, по меньшей мере крайне преувеличивавших и искажавших все, что касалось мусульманских «движений»[18]: редко ли случается, что панисламистские тенденции и прочие опасности, проистекающие со стороны мусульман, реконструируются исследователем на основе тех самых описаний, которые он же (или она) критикует за тенденциозность и неинформированность? В целом выходит, что — помимо конкретных локальных и временны́х контекстов — о панисламизме как реальности вряд ли стоит говорить. Так или иначе, «изобретение» панисламизма и его «разработка» — явление настолько же европейской истории, насколько и истории мусульманских обществ. Мифотворческий характер тогдашних европейских представлений о панисламизме сегодня мало кто решается отрицать.

* * *

Вспомним коротко, про ч т о говорил этот миф в его российском изводе.

«Главный принцип, около которого сосредоточивается панисламистское движение и который, так сказать, составляет его душу, — это объединение всего мусульманского мира в политическом и экономическом отношениях под эгидой Турции с конечной целью в будущем — образования всетюркской республики…» [«Панисламизм» 1910. Ч. 1. Л. 142–143], — гласило циркулярное письмо директора Департамента полиции от 18 декабря 1910 г., предлагавшее начальникам органов правопорядка на местах принять меры для воспрепятствования возможным действиям панисламистов (замечу, что слово «республика» здесь противостоит обычным ассоциациям Османской империи с властью «халифа» как «главы всех мусульман мира» и несет дополнительные актуальные отрицательные коннотации, связанные, с одной стороны, с российской революцией 1905–1907 гг., а с другой — с младотурецкой революцией 1908 г., в свою очередь, напоминавшей о все еще длившихся революционных событиях в Иране 1905–1911 гг.)[19].

Определений панисламизма было много; государство, «под эгидой» которого действовало это «движение», тоже могло меняться в зависимости от общей ситуации и местоположения говорящего (панисламистские центры могли помещаться — например, «в связи с ослаблением Турции»[20] — в Афганистан, Иран, Индию, Китай, Африку, а также в Германию и Австрию), хотя Османская империя была, конечно, главной в списке[21]. Суть же была всегда одна —

[18] См. об этом специально: [Reynolds 2011].

[19] Циркуляр опубликован в [Арапов 2002: 130–133; 2006: 299–301]. Я признательна В. О. Бобровникову, обратившему мое внимание на нетривиальность использования термина «республика» в этом контексте.

[20] «С ослаблением Турции, роль покровителя ислама принял на себя Афганистан, сделавшийся для Средне-Азиатских владений России центром панисламисткого движения…» [О волнениях 1913. Л. 72–77]. Автор этой справки — начальник Туркестанского районного охранного отделения, в эти годы, подполковник Сизых; он пишет из Ташкента.

[21] Роль главного потенциального «объединителя» мусульманского мира, отведенная Османской империи (которую нередко называли «Турцией» не только в России, но и других странах Европы), во многом связана с действительно оформившимся там с 1870-х годов, и особенно в период правления султана Абдул Хамида II, «государственным панисламизмом» (термин А. Халида). Претензии султана на роль халифа — главы всех мусульман — именно тогда обрели силу (см., в частности, блестящую статью, явившуюся ответом на

всемирное мощное мусульманское государство на горизонте, враждебное цивилизации и прогрессу, а следовательно, Европе, включая Россию: «…причем выдающиеся турецкие и русские мусульманские публицисты в последнее время усиленно занимаются открытием племен, принадлежащих к одной с ними расе, в целях возбуждения в них ненависти к России и присоединения их к будущей общей мусульманской федерации», — таково продолжение цитированного выше определения панисламизма. Тревога колонизатора проявлялась в таких описаниях отчетливо: это будущее государство обычно виделось как призванное отомстить Европе за утрату миром ислама «былого господства»[22].

Здесь сочетались тем самым как внешняя, так и внутренняя угрозы[23]. Внешняя представлялась не только потенциальной, в виде будущего мусульманского государства, но и актуальной — выражавшейся во влиянии и происках заграничных панисламистских комитетов, в частности во множестве шпионов, наводнивших и окраинные, и внутренние мусульманские районы России под видом разных дервишей, торговцев и прочих «эмиссаров». Внутренняя же угроза заключалась в мусульманском сепаратизме и изоляционизме — что угроза внешняя, собственно, и провоцировала, фактически смыкаясь с внутренней. Ее главными носителями внутри России считались, как хорошо известно, все, кто казался так или иначе связанными с «прогрессивными элементами» в исламе (т. е. с представителями реформистских тенденций в нем, *джадидами*), как правило отождествлявшимися с мусульманской политической оппозицией.

Таким образом, дискурс о панисламизме явно служил выражению государственных опасений, касавшихся утраты целостности империи, политической или культурной: речь шла то об «отпадении мусульман от России», то о стремлении «панисламистов» к созданию «государства в государстве», об «отчуждении мусульман от всего русского» [Мусульманская печать 1987: 21, 15][24] и т. п. Иными словами, это было оформлением идей (может быть, одним из первых) о *мусульманском национализме* и *политическом исламе*[25]: «Принцип» панисламизма — это «объединение вероисповеданного и национального

эту ситуацию: [Бартольд 1912]). Но Османская империя не была и единственным центром, который наделяли подобными функциями что мусульмане, что европейцы: халифы появлялись и в других местах [Khalid 2005; Burke 1972].

[22] Антиколониальный пафос входит в классические определения панисламизма в научных трудах, ср., например: «По сути панисламизм ‹…› был попыткой использовать узы веры в ислам как некий субститут национализма, дабы объединить всех мусульманских подданных внутри Османской империи под властью Османского султана и создать трудности европейским колониальным режимам путем привлечения лояльности мусульман – подданных этих режимов за пределами империи» (In essence Pan-Islam ‹…› was an attempt to utilize the bonds of Islamic faith as a kind of substitute for nationalism to unite all of the Muslim subjects within the Ottoman empire under the Ottoman sultan, and to cause difficulties to the European colonial regimes by dividing the loyalties of their Muslim subject populations outside of the empire) [Burke 1972: 98].

[23] Это не раз отмечал Д. Ю. Арапов, например, в [Арапов 2004].

[24] Этот обзор мусульманской печати в России за 1910 г. был подготовлен в 1911 г. для Департамента духовных дел и иностранных исповеданий МВД [Обзор 1910. Л. 1–36] и впоследствии опубликован в Санкт-Петербурге, а на исходе «холодной войны» перепечатан в Оксфорде. Подобные обзоры были рутинной деятельностью отделений МВД, занятых «контролем панисламизма».

[25] На противоположном конце этой историографической традиции — классический труд о «провале» политического ислама [Roy 1992].

начал», он «прида[ет] исламу характер *политической доктрины*» (выделено в оригинале. — *О. Б.*), тождествен «принцип[у] национальной обособленности и объединения 20-миллионной мусульманской массы в Империи в единую политическую партию, т. е. идее отчуждения от России не только в религиозном, но и в национальном и политическом отношении» [Там же: 23, 21].

Исследователи в целом сходятся в том, что миф о панисламизме сложился в российских государственных институциях преимущественно в ответ на устремления национализирующегося государства. И приведенные примеры показывают, сколь прямо «панисламистский» властный дискурс был связан с отношением в верхах к этническому и конфессиональному многообразию империи — и именно с националистическими тенденциями и стремлениями к культурной однородности страны[26]. Помимо самого акцента на националистическом характере «панисламизма» (что зеркально отражало эти государственные тенденции), этот дискурс объединял собою разные мусульманские анклавы страны, кренясь к тому, чтобы игнорировать различия между ними (различия, во многом утвержденные политикой той же власти), описывая их всех в единых терминах.

Это как раз те тенденции, развитие которых лежит и в основаниях шпиономании и кампании военных лет против «враждебных» меньшинств; так что сходство дискурса о панисламизме с риторикой, распространенной в войну, не сводится к их общей внешней шпионской образности: совпадают их глубинные факторы. Ведь за превращением меньшинств во внутреннего врага в военные годы исследователи усматривают аналогично направленный сдвиг в ви́дении имперского многообразия. Это переход от характерного для «старого порядка» сложного сосуществования имперских наднациональных установок (предполагающих внутреннюю многоликость имперского пространства) *и* националистических государственнических тенденций — к радикальной «национализации» (Эрик Лор) и «мобилизации этничности» (Марк фон Хаген). «Национализацию» Э. Лор понимает как совокупность мер, по сути направленных на превращение имперского государства в национальное [Лор 2012]; а М. фон Хаген, говоря о «мобилизации этничности», имеет в виду придание этническим различиям политического смысла (их политизацию) и наложение этнического или национального измерения на конфликты (политические, социальные, экономические), прежде такого измерения не имевших [Hagen 1998: 34][27]. Отсюда и изменение политики идентичности во время войны.

Лежащий в том же русле дискурс о панисламизме подверг мобилизации различия культурные (цивилизационные). Ислам воспринимался здесь не столько как религия, сколько как культура (цивилизация); принадлежность к

[26] О динамике характерного для «старого порядка» сочетания наднациональных стремлений к имперскому многообразию и государственнических националистических тенденций см.: [Maiorova 2010; Миллер 2008; 2012].

[27] Ср. обсуждение этих и аналогичных концепций в [Дэвис 2013]. Подчеркну, что, говоря о национализации империи, Э. Лор ссылается на идеи Роджерса Брубейкера [2000], который «предполагает, что национализм должен рассматриваться скорее не как результат длительного развития различных тенденций, а как “событие”, вызывающее “уничтожение смешанных идентичностей ужасной категорической упрощенностью приписываемой им национальности” (разрядка моя. — *О. Б.*)» [Лор 2012: 18–19, 208].

мусульманству, «мусульманской культуре» мыслилась подобно национальной принадлежности (отчасти такое восприятие было симметрично тому, как это виделось в кругах мусульманской оппозиции)[28]. В полицейской корреспонденции, как мы видели, встречается даже понятие «раса», подразумевавшее в цитированном выше описании действий «турецких и русских мусульманских публицистов» то ли мусульманство как таковое, то ли общую (по грубой оценке чиновников) тюркскую «кровь» мусульман России и Турции. Важны были органическая целостность этого культурного единства (чему «панисламизм» и служил выпуклым выражением) и «врожденный» характер «подлинных» черт этой «культуры»[29]. Аналогия панисламистской угрозы с «желтой опасностью», которые порой прямо смыкались друг с другом (например, в 1913 г., в ожиданиях, что мусульмане выступят на стороне китайцев, когда Россия вступит с Китаем в войну[30]), да и с «еврейским (или масонским) заговором» здесь очевидна. Характерно, что чиновничий дискурс о панисламизме, видимо, начинает оформляться в России как раз в Туркестане под воздействием Андижанского восстания 1898 г., на фоне которого панисламистская угроза была прямо связана с Боксерским восстанием в Китае[31]. Но интересен еще один аспект.

В присущем этому дискурсу понимании «исконных» черт «мусульманской культуры» «панисламизм» воплощает, конечно, издавна приписанный ей фанатизм, агрессивность и враждебность Европе и «просвещению». Вместе с тем «панисламизм» прочно связывался с идеей, что «мусульманский мир пришел в движение»: он, собственно, и являл собой «д в и ж е н и е среди мусульман», создавал почву для «брожения» среди них (так — например, в уже не раз цитированном выше циркуляре [«Панисламизм» 1910. Ч. 1. Л. 142]) и свидетельствовал о стремлении мусульманского мира к «возрождению». А это как будто требовало отказаться от распространенного по меньшей мере с конца XIX в. представления, что мусульманский мир застыл, отстал и обречен на загнивание и гибель (особенно яркое воплощение этим идеям дал Э. Ренан, отвергший способность ислама к прогрессу и обретший немало последователей в России[32]). Но и «панисламизм» не возвращал мусульманскому миру способ-

[28] См., в частности: [Noack 2001; Bessmertnaïa 2006]. О превращении в европейских взглядах XIX в. религии в «ядро» цивилизации, наряду с языком и расой определяющее ее «сущность», см.: [Rodinson 1980: 76–94]. Не усиливал ли такое восприятие конфессиональный порядок российского государства [Crews 2006]?

[29] О взаимной подменяемости понятий «цивилизация», «раса», «нация» (романтическая) в ориенталистском восприятии см. лаконичное выступление А. Халида в знаменитой дискуссии о специфике российского ориентализма: [Халид 2005: 318].

[30] См. прим. 49.

[31] На связь двух угроз указывала еще книга В. П. Васильева «О движении магометанства в Китае» (СПб., 1867). Идея взаимозависимости между панисламизмом и Боксерским восстанием в Китае высказана в ташкентской записке В. П. Наливкина (чиновника при генерал-губернаторе Туркестанского края) «О возможных соотношениях между последними событиями в Китае и усилением панисламистского движения». См. об этом: [Арапов 2004: 154–155]. Ассоциации между панисламистской и желтой угрозами проявлялись также во время и после Русско-японской войны.

[32] Лекции Ренана были хорошо известны в России. «Ислам и наука» издана по-русски в том же году, что была прочитана в Сорбонне (1883); «Место семитских народов в истории цивилизации» издана по-русски в 1888 г. (прочитана в Коллеж де Франс в 1862 г.). Многие читали их в оригинале. Подробнее об их смысле и восприятии см.: [Бессмертная 2017].

ности к развитию в истории. Поскольку «мусульманская культура» казалась с давних пор лишенной собственной креативности (потому она и стремилась к восстановлению своего «б ы л о г о величия»), мусульманскому миру требовались «п о - е в р о п е й с к и образованные руководители». И чем просвещеннее были эти руководители, тем они были опаснее, поскольку, поведя за собой фанатичные и отсталые массы, они могли лишь актуализировать враждебный потенциал этой цивилизации[33].

Такой взгляд порождал нередко фантастические вариации. Характерна информация о происхождении панисламизма, вошедшая в сводку данных, направленных начальником Тифлисского ГЖУ полковником Пастрюлиным в Особый отдел Департамента полиции «в соответствии с указаниями» этого отдела «на необходимость наблюдения за развивающимся на Кавказе панисламистским движением» [«Панисламизм» 1910. Ч. 1. Л. 162–176]. «Лет 27–28 тому назад — говорилось в справке, — в Африке, между Абиссинией и Суданом, в городе Мэтаэмэ (Матама), создалась идея панисламизма под названием “Иттигат-Исламиэ”, т. е. лига “Единения мусульман”». Однако «и н и ц и а т о р о м этой лиги является некто Шех-Омер-Эджель-Рубины-Мэйди — ф р а н ц у з - к а т о л и к, а л ж и р е ц п о п р о и с х о ж д е н и ю (разрядка моя. — *О. Б.*), с полным утонченным воспитанием и образованием западного европейца, владеющий в совершенстве иностранными языками, притом весьма талантливый; религиозно-политическо-военный шеф этот ныне стоит во главе и правит пятимиллионным населением кафров воинственного племени “Данакиль”»[34]. «Панисламизм» предстает тут порождением некоего синтеза между воинственной дикостью и варварством Африки, опасностью и чуждостью ислама и изобретательностью французской цивилизации[35].

---

[33] Несколько иную трактовку предлагает [Джераси 2013]. Характерное проявление подобного подхода, отчасти замаскированного рационализмом ученого, находим еще во взглядах Н. И. Ильминского. Подробнее см.: [Bessmertnaïa 2006; Бессмертная 2017].

[34] По проницательной догадке коллег речь идет о махдистском движении в Судане 1881–1898 гг. [Арапов, Котюкова 2004: 68, сн. 52]. В 1881 г. Мухаммад Ахмад ибн Абд Алла в Судане объявил себя Махди и возглавил джихад во имя восстановления чистоты ислама, который привел к созданию махдистского государства. Наряду с успешными действиями против турецко-египетской власти в Судане, войска Махди одержали не одну победу и в столкновениях с британской армией. Англичане взяли реванш в 1896–1898 гг. в войне с преемником Мухаммада Ахмада, халифом Абд Аллахом ибн Мухаммадом ал-Та’аиши, последним опорным пунктом войск которого был крупный транзитный и торговый город того времени ал-Маттама на западном берегу Нила.

[35] Приведенная цитата — лишь часть обширной справки, которая целиком или частями не единожды воспроизводилась в последующих сведениях, пересылавшихся по ведомствам ДП (о ее соотношении со справкой, названной Д. Ю. Араповым «первичной», см. прим. 36). Она включена, в частности, в известный доклад от января 1912 г. тогдашнего директора ДП С. П. Белецкого, опубликованный Аршаруни и Габидуллиным [1931: 101–111] (доклад состоял из двух отдельных справок, составленных в ОО ДП в январе 1911 и январе 1912 гг.; я веду речь о первой). В тексте справки просматривается участие авторов одиозных, фантазирующих и пишущих по воспоминаниям о прочитанных обрывках справочной литературы и прессы, и, вероятно, именно М.-Б. Хаджетлаше (см.: [Бессмертная 2012] и другие мои работы о нем). Важно, однако, что эти фантазии в отсутствие отчетливых критериев того, чему верить и чему нет, относительно легко занимали устойчивое место в корреспонденции органов МВД.

Но и при менее «литературных» интерпретациях, панисламисты — «п е р е д о в ы е» или «п р о г р е с с и в н ы е» «элементы мусульманства» — как раз и воплощали в себе таких опасных «руководителей» масс, в частности и тогда, когда, как мы увидим в дальнейшем, образ этого мусульманского целостного единства дробился.

Справки о панисламизме составлялись в Особом отделе ДП с известной регулярностью во всяком случае с 1910 г. Они черпали содержание, как мы видели, из очень разных источников, отчасти пополняясь новыми сведениями, отчасти путем повторов и компиляций, и все более наполняясь клише и стереотипами. Объединяясь друг с другом в новых редакциях, отвечавших потребностям и стилистике момента, они ложились в основу циркулярных писем и очередных справок. Так, цитированный выше декабрьский циркуляр 1910 г. основывался на справке от марта того же года, которая в дальнейшем была объединена со сведениями из справки Тифлисского ГЖУ, включая и тезис об африканских корнях панисламизма; в сильно отредактированном, освобожденном от явных литературных гипербол виде этот разросшийся гибрид дожил до 1916 г.[36]

1910 год был важной вехой в этом процессе. Как раз тогда была предпринята попытка (вполне модернизационная по своему характеру) систематизировать номенклатуру дел в Особом отделе ДП. Независимо от этого уже в январе того же года состоялось межведомственное «Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Поволжском крае», главными вопросами которого было противодействие панисламизму и пантюркизму[37]. И совещание, и внутренняя попытка ОО ДП упорядочить (среди прочих) сведения о «движении в мусульманском мире», причем именно под рубрикой «панисламизм», отвечали общему росту тревоги в верхах по этому поводу на протяжении 1908–1909 гг.[38] Все вместе и привело к

[36] Справку по панисламизму, легшую в основу декабрьского циркуляра 1910 г., Д. Ю. Арапов [2004: 11] называет «первичной». Он имеет в виду, видимо, как ее относительно раннее составление (он датирует ее апрелем 1910 г.), так и то, что именно на нее «нанизывались» другие сведения (и справки), и подчеркивает ее долгую жизнь вплоть до 1916 г. (это был доклад из Астрахани [«Панисламизм» 1910. Ч.1. Л. 39–46]). Д. Ю. Арапов, вероятно, не считал нужным различать дополнявшие ее другие исходные составляющие (в частности тифлисские), заметные, например, в справке 1911 г., приведенной в упомянутом выше докладе Белецкого. Справка 1916 г., объединяющая «первичную», среди прочих, с тифлисскими данными в новой редакции, опубликована в [Арапов, Котюкова 2004: 67–68]; оригинал: [«Панисламизм». 1916. Л. 81–83об.]. Ср. как с т р о г о преобразовалось здесь сообщение об африканских корнях панисламизма (с сохранением тюркизированного названия «лиги»): «Идея панисламизма впервые зародилась в Африке в восьмидесятых годах прошлого столетия, явившись следствием захвата европейцами африканской территории, и последователями нового учения была образована партия под названием “Иттигат-Ислямие” т. е. лига “Единения мусульман”». Специально о версиях и компиляциях текста «первичной» справки и причастности М.-Б. Хаджетлаше к ее авторству см.: [Бессмертная 2012: 283–284, прим. 131].

[37] Подробнее о совещании 1910 г., проводившемся по инициативе П. А. Столыпина, см.: [Джераси 2013; Campbell 2015; Bessmertnaïa 2006; Бессмертная 2017]. Об Особом отделе ДП: [Перегудова 2000: 60–109], специально о введенной номенклатуре дел: [Там же: 97–98].

[38] Этот рост обеспокоенности был связан как с «большими» событиями, вроде младотурецкой или иранской революций, так и с событиями частными и с деятельностью отдельных лиц (иногда случайных) и организаций. Например — с деятельностью миссионерского Братства Св. Гурия и его главы, епископа Мамадышского Андрея [Campbell 2015: 159–161], или с корреспонденциями М.-Б. Хаджетлаше, использованными П. А. Столыпиным.

своего рода институализации обеспокоенности панисламизмом. Причем выделение отдельной рубрики «панисламизм» внутри новой номенклатуры дел тем более закрепляло такую институализацию (отмечу, что в иных папках, но в том же «панисламистском» русле «мусульманский вопрос» освещался и ранее как в центральных органах, так и на местах[39]). Стереотипность производившихся справок, отвечавшая, разумеется, ключевым моментам общего восприятия рассматривавшихся вопросов, лишь поддерживалась, как видим, характерными приемами этой бюрократической деятельности[40]. Отредактированные и скомпилированные справки рассылались циркулярно по районам и губерниям с предложением «принять меры к выявлению», «усилить контроль» и сообщить сведения о развитии этого движения на местах. На основании сообщений с мест составлялись, например, сводки о степени интенсивности пропаганды панисламизма по губерниям (в 1911 г. первое место заняли Кавказ, где лидировал Баку, и Туркестан [«Панисламизм» 1913. Л. 5–6]). Вот тут-то — в сообщениях с мест и в ответах на такие сообщения из других мест — и начинается действительная жизнь этого мифа и этого дискурса.

* * *

Помимо прямой полемики в духе письма Сазонова, к которой я подробнее вернусь позже, существовали и другие пути «работы» с дискурсом о панисламизме, которые могли бы способствовать его релятивизации. Самый яркий (и потенциально, наверное, самый действенный) способ останется, на этот раз, за пределами моего рассмотрения: это всякого рода хитрости разных персонажей, обычно являвшихся извне департаментов и преследовавших весьма разные цели. Будучи зачастую мусульманами (или представляясь таковыми), они пытались манипулировать сотрудниками полицейских и жандармских органов, предлагая им услуги по защите своих единоверцев от панисламистов, и добивались (или не добивались) доверия чиновников путем использования стереотипов этого дискурса (предполагавшего, помимо прочего, недоступность запутанного мусульманского мира чужакам — немусульманам)[41].

Во внутренней же жизни органов МВД, в письмах с мест — наряду со всяческим нагнетанием панисламистской угрозы в духе упомянутых выше циркуляров, а то и в более радикальном духе (эти письма нередко демонстрировали даже большее, чем циркуляры, неведение относительно того, что следует считать панисламизмом), — зачастую происходила, наоборот,

[39] См., например, материалы 1906–1910 гг. в фонде Департамента духовных дел и иностранных исповеданий [Переписка 1906–1910]. Известное 4-томное дело «О пропаганде панисламской и пантюркской идей среди мусульманского населения в России» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 169–173) велось в ДДДИИ примерно в те же 1910–1914 гг., что и в ОО ДП. В целом, однако, формализация дел в ДДДИИ осуществлялась по более сложным критериям.

[40] Подробнее см.: [Арапов, Котюкова 2004].

[41] См. например о казахском информанте-мошеннике, действовавшем в 1898–1899 гг. на волне Андижанского восстания: [Morrison 2009: 634–635], о реальных шпионах и притворных панисламистах в контексте отношений Российской и Османской империй в период младотурецкого комитета: [Reynolds 2011: 82–106], и снова о М.-Б. Хаджетлаше: [Бессмертная 2012].

и прагматизация этого дискурса, постановка его на службу практическим целям управления в конкретной губернии или районе. Нагнетание и прагматизация легко сочетались друг с другом:

> Мусульманское движение, по-видимому, начинает выливаться в более или менее определенные формы и главари этого движения действуют, по [поступившим] сведениям, по выработанной в Турции программе применительно к условиям, в которых живут русские мусульмане. Не имея возможности по существующим полицейским условиям (здесь и далее в цитатах разрядка моя. — *О. Б.*) развить подпольную агитацию при посредстве устройства тайных кружков и таким образом воспитывать население в желательном для них направлении, руководители движения, по-видимому, задались целью при посредстве воспитания юношества в идеях панисламизма подготовить мусульман к участию в политической жизни в будущем. По агентурным сведениям, муллами внушается населению, что все мусульманские народности — братья не только по религии, но и по крови и, чтобы постоянно напоминать всем мусульманам это последнее обстоятельство, — установлен праздник дня рождения Магомета — 10 февраля, —

так, нагнетая, пишет в октябре 1913 г. в ответ на очередной циркуляр Особого отдела заведующий розыскным пунктом в г. Верном и Семиреченской области [«Панисламизм» 1913. Л. 139]. Праздник дня рождения Мухаммада (*Маулид ан-Наби*, падавший в 1913 г. на 6 февраля) существовал, стоит сказать, в Ираке еще в начале XIII в., а в Османской империи на рубеже XVI–XVII вв. был объявлен официальным; он вовсе не был манифестацией кровного родства. (Впрочем, в сводном донесении, использовавшем это сообщение, уточнялось, что раньше этот праздник имел «церковный характе[р] и не всеми признава[лся]» [О волнениях 1913. Л. 72–77][42].) Заведующий меж тем продолжал, уже более прагматично:

> …Главными деятелями по движению, как видно из моих донесений, являются татары и отчасти сарты. Главная же масса мусульман Семиреченской области — киргизы[43], сочувствуют этому движению постольку, поскольку пропагандисты его убеждают, что при торжестве идеи панисламизма изменяются условия землепользования, благодаря будущему изгнанию русских из края. Агитация среди киргизского населения может быть парализована более справедливым разрешением вопроса о заселении киргизских земель переселенцами, тем более, что и русские переселенцы, также предъявляют ряд жалоб на систему их устройства ‹…› Судя

[42] Автор этой записки (цитированной также выше, см. прим. 20) — подполковник Сизых, начальник Туркестанского районного охранного отделения.

[43] Киргизы — в то время так обычно называли казахов. Специальный анализ проблем имперской национальной классификации в этой связи см. в [Абашин и др. 2008: 259–276 (С. Н. Абашин)].

> по заявлениям крестьян-переселенцев, сделанным мне разновременно, настроение их в общей массе тревожно. При полном отсутствии антиправительственной пропаганды в области это тревожное настроение в данное время не представляет угрозы, но в недалеком будущем, при проведении железной дороги оно несомненно с успехом будет использовано в антигосударственных целях... —

и далее о необходимых конкретных мерах по жалобам крестьян о прирезках, недостатке воды и орошения, просчетах в расчетах и т. п., т. е. о том, что позволило бы названной угрозы избежать[44]. Было ли это сознательным (и циничным) использованием «панисламистской рамки» для «протаскивания» нужной земельной политики или все построение целиком отражало собственные убеждения заведующего (вероятно, многомерные)? Не решусь сказать. Зато указания на отсутствие угрозы «в данное время» и невозможность «подпольной агитации» «по существующим полицейским условиям» вряд ли вовсе лишены намерения сообщить властям, что заведующий хорошо наладил работу. Глубинной же подоплекой его сообщения были, что вполне очевидно, проблемы переселенческой и земельной политики, какими они предстали в Туркестане, и в Семиречье в особенности, усугублявшиеся попытками «посадить на землю» киргизских и казахских кочевников. Характерно, что заведующий решительно отдает «панисламизм» в руки татар и сартов (причем последних – лишь «отчасти»), т.е. преимущественно оседлого населения, а в случае татар — переселенцев; они, помимо прочего, предстают как чужаки, те, кто попал в его ведение извне, за кого ему труднее отвечать[45].

Иерархические и конкурентные отношения внутри министерских структур — да и вопросы большой политики, как мы уже знаем, ярко просвечивают и в той прямой полемике, которая содержалась в письме Сазонова. «Допуская вполне, что [Бухарское] Ханство является ареною усиленной панмусульманской пропаганды, вызывающей известное брожение умов», он, продолжая противопоставление агентов двух ведомств, настаивает, чтобы сведения, доставляемые в Департамент полиции местными агентами МВД, предварительно проверялись структурой МИДа, а именно российским политическим агентством в Бухаре. Он поясняет:

> Такое взаимодействие правительственных органов на месте несомненно послужит на пользу дела и устранит излишнюю нервность, которая за последнее время иногда наблюдается в отношениях наших к средне-азиатским ханствам, в частности под влиянием недостаточно проверенных и освещенных базарных толков и слухов, сообщаемых Туркестанским охранным отделением местной администрации [«Панисламизм» 1910. Ч. 1. Л. 203–204].

---

[44] Заведующий был и прав, и не прав в своих оценках. В 1916 г., как известно, в Семиречье и во всем русском Туркестане произошло массовое восстание, спровоцированное призывом местного населения на тыловые работы и жестко подавленное. См. особенно: [Brower 2003; Котюкова 2011; 2017].

[45] Об обострении в предвоенные годы конфликтов вокруг земли, особенно связанных с кочевниками, и о сложной позиции властей в этом вопросе см.: [Brower 2003: 126–151].

«На месте» же этой дискуссии предшествовал конфликт начальника Туркестанского охранного отделения подполковника Андреева (того самого, на чьих сведениях базировалось письмо Курлова Сазонову) с российским политическим агентом в Бухаре, действительным статским советником и востоковедом Яковом Яковлевичем Лютшем, которого Андреев обвинял в подверженности влиянию панисламистов и коррупции [Там же. Л. 205][46], — все это вслед за «резней» 1910 г. между суннитами и шиитами, каковую Политическое агентство не смогло предвидеть. Впрочем, представители Политического агентства, в свою очередь, случалось, утверждали, что никто иной как Туркестанское охранное отделение занималось «провокацией», этой «резне» лишь способствуя[47].

Российское императорское политическое агентство в Бухаре — институция МИДа, непосредственно представлявшая Россию при Бухарском эмире. Однако и располагавшийся в Ташкенте туркестанский генерал-губернатор (при чьей канцелярии и состояло Туркестанское районное охранное отделение, одновременно подчиненное МВД) имел здесь некоторые властные функции. Отношения между несколькими включенными в ситуацию ведомствами и представлявшими их лицами (Военным министерством, МИДом, МВД и туркестанским генерал-губернатором, подчиненным Военному министерству, но не всегда соглашавшимся с ним) никогда не были простыми. Главным камнем преткновения был вопрос об аннексии и полном присоединении Бухары к России, обострившийся в результате бухарской резни 1910 г., воспринятой как провал политики «игнорирования» ислама, проводившейся Россией в Туркестане. Центральные органы метрополии, МИД — и Сазонов в частности — решительно возражали против аннексии, ссылаясь на то, что это противоречит интересам России. Самсонов же — туркестанский генерал-губернатор — считал скорую интервенцию необходимой. Дискуссия эта редко затихала, выходя в те годы на уровень и Совета министров, и Думы. Так что неудивительно, что Сазонов (политик, вообще толерантностью к «панисламизму» не отличавшийся и умевший этим дискурсом пользоваться) выступал против нагнетания ситуации в Бухаре, как и против нагнетающих, и подписывал письма,

[46] Главным лицом, «ненавидящим Россию» и манипулировавшим по своему усмотрению «непроницательным» Лютшем, а заодно и организатором бухарской резни, подполковник Андреев назвал «представителя от Бухарского Правительства» при Политическом агентстве Мир-Бадалова. Это Мир Хайдар Мирбадалев, старший письменный переводчик агентства и, действительно, представитель канцелярии эмира, он же — редактор прогрессистской (джадидской) газеты «Бухара-и-шариф» в 1912 г. и офицер русской армии (дослужил до генерал-майора); ему предстояло сыграть важную роль в событиях в протекторатах и позже, в 1917 г. Сведения о нем и панегирик его деятельности, а также критику позиции подполковника Андреева (как и советского исследователя Т. Г. Тухтаметова, «вольно или невольно» воспроизведшего «мистификацию» Андреева) см. в [Абашин и др. 2010: 284–300 (В. А. Германов, Миротворческие миссии в Туркестанском крае, Бухарском эмирате и Хивинском ханстве генерала Мир Хайдара Мирбадалева)]. О роли Мирбадалева в Бухаре и Хиве в 1917 г. см. также: [Becker 2004]; как редактора джадидской газеты его коротко упоминает и А. Халид [Khalid 1998].

[47] Приводя эти утверждения, В. А. Иванов ссылается на воспоминания 1917 г. служащего Политического агентства С. В. Чиркина и даже склонен осторожно согласиться с ним [Абашин и др. 2010: 395–416, особ. 401–405 (В. А. Иванов)]; мнение Чиркина поддерживает и В. А. Германов [Там же: 276–277].

подобные цитированному. Более того, его указание в этом письме на «невыверенность» сведений о панисламизме, которую он потребовал устранить путем привлечения структур собственного ведомства, но которая пока что устранена не была, в очередной раз подтверждало сохраняющуюся в его глазах неосведомленность имперских властей о происходящем в российских протекторатах. Такую неосведомленность Сазонов был склонен подчеркивать, она также служила аргументом против аннексии[48]. А Лютш, подчиненный Сазонова, похоже, действительно настойчиво стремился (судя по имеющимся в тех же архивных делах его распоряжениям) к различению между «россказнями» и действительностью. Его сняли с должности в 1911 г., как, впрочем, и подполковника Андреева — позже. Но конфликт этот, нельзя исключить, был среди тех, что оставили след в памяти чиновников заинтересованных ведомств: все более нарочитая демонстрация средств, какими охранные органы подтверждали приводившиеся сведения, может быть тому свидетельством.

Примечательно, что по сути та же полемика с теми же аргументами и по поводу тех же мест произойдет два года спустя. Две записки о положении дел в Туркестане и Бухаре и в Самаркандской области, разосланные циркулярно Особым отделом в мае 1913 г., сообщали не только об афганских шпионах и панисламистских эмиссарах, но и о готовности мусульман, объединившись, присоединиться к Китаю в его предстоящей войне с Россией[49]. По мнению критика этих записок, это были лишь «бесцельные росказни», «новости, до которых такие большие охотники все наши азиаты», все те же «новости» — с «б а з а р о в». Но на этот раз критиком выступал… как раз бывший начальник Туркестанского охранного отделения. Впрочем, не подполковник Андреев (материалы которого критиковал министр Сазонов), а полковник Флоринский[50], вспоминавший по аналогии и другие записки, также основанные на

[48] О политическом агентстве в Бухаре и дискуссии о статусе ханства см.: [Becker 2004: 103–108, 174–177; Матвеева 1994; Абашин и др. 2008: 308–310 (Д. Ю. Арапов); Абдурасулов, Сартори 2016]. У. Абдурасулов и П. Сартори [2016] высказывают предположение, что политика центральных властей России в Бухарском и Хивинском протекторатах руководствовалась стратегией «неопределенности», нацеленной на их сохранение в «серой зоне» (чем и объяснялась склонность этих властей подчеркивать свою неосведомленность о ситуации в протекторатах), тогда как колониальные власти на местах, как генерал-губернатор Самсонов, стремились иметь больше средств прямого контроля там и потому выступали за аннексию. Полемика Сазонова с Курловым, как кажется, подтверждает эту концепцию: такая общая «стратегия неопределенности» может служить еще одним основанием связать эту полемику не только с дискуссиями непосредственно о методах и органах разведки в протекторатах (о таких дискуссиях см.: [Котюкова 2016: 286–296]), но и со стремлением Сазонова к поддержанию «неопределенного» статуса Бухары. Его склонность подчеркивать недостаточную достоверность имеющихся в распоряжении властей сведений проявилась еще и в 1913 г. в его переписке с Самсоновым [Абдурасулов, Сартори 2016: 157–159]. На этот раз, впрочем, Сазонов сам переходит к нагнетанию опасностей — так что сила «панисламизма» и конспирологических ожиданий вновь оказывается в прямой зависимости от нужд момента.

[49] Это отзвук вышедшего в марте 1913 г. на фоне революционных событий в Китае и обострения российско-китайских отношений циркуляра МВД, призывавшего обратить внимание на «возбужденное состояние мусульман в связи с Балканской войной» и на возможную поддержку ими китайцев в случае войны с Китаем [«Панисламизм» 1913. Л. 25–25об]. Записки принадлежали перу М.-Б. Хаджетлаше. Подробнее о них см.: [Бессмертная 2012].

[50] Полковник Евгений Павлович Флоринский (1886–1920?) прислал свои критические соображения в Особый отдел уже в качестве начальника Пермского ГЖУ.

«праздной вздорной болтовне туземцев», которые поступали к нему от Штаба Туркестанского военного округа, ротмистра Зозулевского. Теперь не представитель МИДа упрекает агентов МВД, а представитель МВД — своих же коллег (в конечном счете — коллег из центра, Особого отдела, а не только автора записок), как, впрочем, и подчиненных Военного министерства, виня их как раз в том, в чем на предыдущем шаге этой «эстафеты» агенты МВД были виноваты с точки зрения МИДа.

Замечу, что ротмистр Зозулевский, заведовавший розыском в Контрразведывательном отделении Штаба Туркестанского Военного округа (до конца 1912 г.), действительно поставлял сведения, очень похожие на те, что мы читали вначале в пересказе Курлова, как и на те, что критиковал полковник Флоринский. Классифицируя шпионаж в регионе по его субъектам — «Англия», «Афганистан», «Панисламизм», — ротмистр затруднялся различить особенно второй и третий (зачастую повторяя одно и то же в разных графах). Впрочем, разделению плохо поддавалось и то, что происходило по ту и эту стороны русско-афганской границы: ведь мусульмане – единая сеть[51]. Сведения Зозулевского поступали как в Военное ведомство, так и в МВД (в копиях).

Но в критике Флоринского ярко виден и ответ на вопрос о том, почему попытки «сбалансировать» миф о панисламизме не удаются, а прагматизация (будь она спонтанной или преднамеренной) его не разрушает. Какие бы мелкие склоки или принципиальные вопросы не стояли за манипуляцией «панисламизмом», они осуществляются изнутри этого же мифа; отношения власти и внутренние ссоры в министерствах оформляются, как мы видели, в его же категориях. Полковник Флоринский удивительно подробен и трезв в своей критике: афганцы, наводнившие русский Туркестан, — не шпионы, а чернорабочие; новые идеи в мусульманстве идут не из Бухары, а из Каира, Константинополя, Индии; а мы… мы не справляемся с нашей политикой в Туркестане, предоставляя туземное население самому себе (еще один отзвук критики политики «игнорирования» ислама). Но именно поэтому «имеется полная возможность для лиц, работающих над объединением мусульман и созданием из них грозной мировой силы, подчинить их своему исключительному влиянию. При освещении панисламистской работы необходимо учитывать это положение, но нельзя перемешивать возможность с тем, что фактически делается», — так он возвращается к критике записок и одновременно подтверждает их мифологию [О волнениях 1913. Л. 80–83].

Миф о панисламизме — это, конечно же, характерный ориенталистский миф, каким он предстает в бюрократической среде. Назову такой ориентализм по сфере его бытования «государственным»[52]; но я предположу чуть ниже, что

[51] Сводки Зозулевского см. в [Военное шпионство 1911–1913]. Проблема различения «внутреннего» и «внешнего» панисламизма ярко проступает в приведенной Т. В. Котюковой истории провалившейся попытки генерала-губернатора Самсонова создать при Туркестанском районном охранном отделении «временный отдел для розыска и исследования противогосударственного политического движения в Бухарском и Хивинском ханствах и соотношений сего движения к мусульманскому населению Туркестанского края»: в апреле 1911 г. П. А. Столыпин отказывает ему в этом проекте как раз на том основании, что такой розыск по неизбежности включит борьбу с военным шпионажем, а это компетенция Военного ведомства [Котюкова 2016: 290].

[52] А. Моррисон, рассматривая влияние подобного ориентализма на конкретные практики управления мусульманами в Туркестане, называет его «прикладным» [Morrison 2009].

это — радикальный вариант «массового ориентализма» (я говорю о «массовом ориентализме», отличая его от ученого знания, востоковедения, и имею в виду противоречивый комплекс массовых представлений о Востоке, подразумевающий, в духе Э. Саида, отношения господства и подчинения[53]). Одновременно, как уже было отмечено, он связан с государственным национализмом — и то, *как* именно, становится особенно ясным, если приглядеться к перемене в описании мусульман, возможно произошедшей во время войны.

Изменение заключено, грубо говоря, в том, что мусульман как бы перестают *описывать* или, точнее, «исследовать». Разумеется, о них продолжают собирать сведения (да и все та же «первичная» справка о панисламизме в очередном своем актуализированном превращении, напомню, по-прежнему фигурирует в делах Особого отдела в 1916 г.). Но внешне будто бы происходит как раз то, к чему призывали Сазонов, Лютш, Флоринский и им подобные: тут меньше попыток определить, наконец, что такое панисламизм и каковы его проявления, меньше фантастики (вспомним и то, как строго эту справку отредактировали[54]) и больше конкретных, жестких и персонифицированных сведений: обзоры прессы, отслеживание создания бюро мусульманской фракции Думы, конечно же, выявление шпионов и т. п. [«Панисламизм» 1916]. Я говорю лишь о тенденции, и это предположение еще требует подтверждения. Но если это так, объяснить эту тенденцию могло бы наблюдение Э. Лора: «Новая военная программа порвала с русификацией в том смысле, что никто больше не пытался “национализировать” отдельных индивидов путем их ассимиляции. Скорее она принимала идентичность как данность…» [Лор 2012: 17]. Иными словами, бесконечные попытки определить и выявить, фактически *создать* панисламизм в довоенное время отражали — по контрасту — надежды государственных лиц на то, что мусульмане все-таки *не будут* «отчуждены от России и всего русского» (*несбывшиеся* надежды, как этим лицам казалось[55]). А предполагаемый спад «панисламистских» фантазий в период войны мог бы указывать на принятие этими лицами того обстоятельства, пусть и столь же воображаемого, что мусульмане все-таки «отчуждены». Это два противоположных полюса одних и тех же националистических устремлений. Однако и то и другое равно выражалось в риторике врага.

Пора, однако, вспомнить, казалось бы, о совсем другом пространстве. Дискурс о панисламизме не был единственным модусом описания мусульман в поздней Российской империи, существовали, конечно, и иные[56]. Среди них подчеркивание «традиционной лояльности» русских мусульман[57] Российскому государству (о губернаторах, с уверенностью рапортующих о лояльности, проявляемой мусульманами во время войны, пишет, например, Франциска Дэвис [Дэвис 2013]; ср. ряд документов в [Арапов 2006]). Вряд ли стоит ждать непротиворечивого сосуществования таких дискурсов, но стоит задуматься о некоторых из возможных механизмов этого сосуществования.

---

[53] Подробнее см.: [Бессмертная 2017].

[54] См. прим. 36.

[55] См. об этом: [Джераси 2013; Bessmertanïa 2006].

[56] См. об этом, например: [Абашин и др. 2008: 313–337 (Д. В. Васильев, С. Н. Абашин); Schimmelpenninck van der Oye 2010].

[57] Мусульман, подданных Российской империи, тогда называли русскими не по этнической принадлежности, а по подданству; путаницы не возникало.

Лояльность — модус описания российских мусульман, восходящий, видимо, еще к Екатерине II — или к памяти о ней и ее политике веротерпимости. В рассматриваемое время он иногда уже осознавался как набор стереотипов, и это использовалось в политической полемике. Например, один из левых мусульманских кавказских деятелей, Саид Габиев, иронизировал, отмечая в 1913 г. в связи с Балканской войной, что мусульмане — «“лояльные”, “всегда рабски безмолвные”, “забитые”, “преданнейшие из всех инородцев России” ‹…› — вдруг заговорили» («Мусульманская газета» (Санкт-Петербург). 1913. 25 мая, № 18). В переписке Особого отдела в довоенное время опора на эти старые стереотипы лояльности могла служить еще одним средством оспаривания дискурса о панисламизме: «Среди мусульманского населения Кубанской области, — писали из этой области в апреле 1911 г. (даже оттуда, с Кавказа, чаще считавшегося рассадником панисламистских идей), — совершенно не замечается пропаганды идеи объединения всех мусульман под главенством Турции. Настроение черкесов вполне мирное и среди них нет революционных организаций» [Панисламизм. Кубанская область 1911. Л. 3][58]. Это могло служить и тому, что мы уже встречали в сообщении начальника розыскного пункта в г. Верном, — желанию отделаться от лишней работы по «выявлению» или же сообщить в центр между строк, что полицейская работа в области хорошо налажена. Однако и дискурс о лояльности был уже так или иначе соотнесен с дискурсом о панисламизме, он не существовал более сам по себе и может рассматриваться только в этой связке, в этой «игре дискурсов». Он вряд ли всегда отражает *над*национальное устремление к имперскому разнообразию (так его склонна трактовать Ф. Дэвис [2013]).

Зато дискурс о лояльности носит столь же ориенталистский характер, сколь и дискурс о панисламизме: он так же представляет мусульман как сплошное неразделимое целое, как единую культуру. В риторике врага панисламисты — авангард этой «культуры», воплощающий ее самые опасные, воинственные и агрессивные черты, — и тем более, как обнаружилось выше, если этот авангард «прогрессивный». В риторике лояльности российские мусульмане видятся чаще всего как темная, невежественная и покорная, пусть мирная, но бездвижная масса. То, как легко представления о темноте перерастают в представления о возможной грозной опасности, можно видеть в приведенной выше критике «базарных россказней», которую направил в Особый отдел полковник Флоринский.

Но в довоенное время появилась и важная альтернатива такому целостному образу. Совмещение двух модусов описания мусульман представляло панисламизм как партию — но не единую 20-миллионную партию мусульман России, как в приведенной выше цитате из обзора мусульманской печати, а партию, борющуюся за лояльную мусульманскую массу против правительства, иными словами, партию, в одном ряду с эсэрами и эсдэками

[58] Ср.: «Сведений по панисламизму в марте 1911 г. не поступало и трудно найти секретных сотрудников, потому что это движение не выявлено». Ср. здесь же «пикировку» начальников разных уровней — ждущих панисламистских действий и отрицающих оправданность таких ожиданий (причем от кавказцев, вернувшихся в Россию из Турции), — завершившуюся развенчанием ожиданий антиправительственных действий [Панисламизм. Кубанская область 1911. Л. 1–4].

«бор[ющуюся] против существующего государственного строя», — так кто-то в Особом отделе написал на полях статьи Ахмет-Бека Агаева, стремившегося оправдать панисламизм, сравнивая его с пангерманизмом и панславизмом как «культурное», а не «политическое» движение [Панисламизм. Баку. 1911. Л. 18]. Характерно, что дела по панисламизму в новой номенклатуре Департамента полиции стояли в одном ряду с другими революционными движениями (эти — под номером 74). Характерно и то, например, что агентурную работу по панисламизму курировал в Охранном отделении Баку тот же ротмистр Мартынов, который «вел» работу по Иосифу Джугашвили (Сталину).

Тем самым дискурс о мусульманской лояльности, как и иные пути, релятивизирующие дискурс о панисламизме, тоже не разрушает образа мусульманского внутреннего врага — однако нарушает его целостность. Рождающийся в результате совмещения идей о мусульманской лояльности и о панисламизме образ мусульман империи, дробящийся по горизонтали, — где низ представлен «лояльными массами», а верх — панисламистской «революционной партией» («руководителями»), — заставляет нас переместить взгляд из плоскости государственного национализма и ориентализма в плоскость собственно политико-социальную, в сугубую, «обыкновенную» плоскость охраны «существующего государственного строя»[59]. Не случайными оказываются аллюзии к революционности, «республике» и «партиям», встречавшиеся нам в цитатах из многих источников: это важное измерение рассматриваемой нами обеспокоенности.

Кто же воображается здесь конечной жертвой этого врага — «панисламизма», как и иных революционных партий или чуждых национальных и им подобных культур, будь они мусульманскими, т. е. «восточными», или «западными»? Их жертва — это «мы», российское государство.

* * *

О чем может говорить описанная ситуация? Речь ведь шла о конструировании внутреннего врага в структурах (будь то в центре метрополии — особенно в Особом отделе Департамента полиции МВД — или же на местах), чьи функции — политический розыск и наблюдение за лицами, занимающимися противоправительственной деятельностью [Перегудова 2000]. Иными словами, это институции, фактически нацеленные на выявление врага и потому по неизбежности его во многом «создающие», в этом смысле — в смысле «нацеленности» на врага, — уже исходно «военизированные». Свидетельствует ли описанное умонастроение о чем-либо, кроме ситуации в самих этих институциях?

Разумеется, здесь был представлен лишь один, притом весьма специфичный сегмент российского довоенного и предвоенного ви́дения Другого. Однако, с одной стороны, не стоит преуменьшать роль информации, поступавшей от МВД, в управлении страной в это время, а с другой — не стоит вовсе от-

[59] Т. В. Котюкова [2016] упрекает сотрудников Туркестанского охранного отделения в том, что они применяли в «работе» с мусульманами методы, выработанные на опыте борьбы с обычными политическими партиями, отчего эти методы и не были эффективными. Мне эта связь интересна в обратной перспективе: тем, как образ мусульманского Другого превращается в социально-политический.

секать людей, работавших в этих по сути разведывательных органах, от прочей публики. «Государственный ориентализм», который сыграл здесь столь существенную роль, не мог не питаться ориентализмом массовым. Массовая литература охотно поставляла (как это было и в других странах[60]) не только привычные ориенталистские стереотипы, но и набор образов шпионов и тому подобных персонажей для конструирования врага что массовому читателю вообще, что сотрудникам жандармских управлений в частности. Ориенталистское и шпионское (как и в других странах) легко сочетались друг с другом, заостряя присутствие Другого. Так, знаменитая «Газета-Копейка» в 1909 г. публиковала роман с продолжением «Алые розы Востока (Тайны турецкой революции)», пронизанный шпионскими сюжетами на тему младотурецкой революции (и давший название и эпиграф этой статье)[61]. Восточная тайна питала собой шпионскую образность, и наоборот, а все вместе ложилось на революционную подкладку. Продолжу цитированное в эпиграфе:

> …— Что я не шпион? — с бесстрастной улыбкой договорил за него старший. — Это, конечно, довод, но… не из разумных. Имя, даже знакомое, известное, не спасет от риска налететь на шпиона… Честных людей от шпионов надо уметь отличать, на первых порах, чутьем, присущим каждому честному человеку, а потом… потом, вступив в партию, просто — знать их.
> ‹…› Полчаса спустя, оба заговорщика разными тропинками, по одиночке, спускались к платановой роще и затерялись в густых тенях, окутавших «Долину Повелителя» (Газета-Копейка. 1909. 24 апреля. № 5. С. 3)[62].

Дистанция от этой образности до институализации дискурса о панисламизме достаточно велика. Однако служба в разведывательных и охранных органах, вероятно, способствовала радикализации и «превращению в действительность» подобных представлений.

Глядя из этого «разведывательного» угла, приходится вспомнить размышления Мартина Томаса о том, что он назвал *колониальным разведывательным государством*, или *разведывательной империей* (intelligence state / empire of intelligence) [Thomas 2008][63]. Он говорит о практиках управления колониями

---

[60] См., например: [Thomas 2008; Satia 2008]. Джеффри Брукс, однако, считает, что в России отношение к Другому на протяжении конца XVIII — XIX в. было более толерантным (тем самым и более архаичным), чем тогда же в странах Западной Европы и США [Brooks 1985]. Представляется, что это уже не вполне относится к рассматриваемому периоду; более того, даже если согласиться с автором, нельзя не признать (оставаясь даже в пределах его собственного исследования), что массовая литература так или иначе заострила отношение к Другому.

[61] Алые розы Востока (Тайны турецкой революции): Роман В. А. Анзимирова и Дюметра. Публиковался в: «Газета-Копейка» (Московское изд.), 1909, 23 апреля — 17 июня. Также отд. изд.: [СПб.]: И. Г. Никольский, [1909]. Автор романа и один из создателей газет «Копейка» В. А. Анзимиров (1859–1921) начинал общественную деятельность среди народников. Дюметр, предположительно, вымышленный персонаж [Рейтблат 1989].

[62] В том же номере, замечу, — сообщения под рубриками «События в Персии», «Переворот в Турции».

[63] О роли сбора информации в колониальных империях см. также: [Satia 2008; Morrison 2009].

во Франции и Великобритании в межвоенный период (т. е. уже после Первой мировой войны) и вводит понятие колониального разведывательного государства, имея в виду, что управление здесь осуществляется на основе информации, собранной специфически разведывательными методами, поскольку правительство отчуждено от населения своих колоний и будто ждет неизбежного крушения колониального порядка. Не то же ли происходит — только на 10–20 лет раньше — и у встретившихся нам российских персонажей? Они видят себя, несомненно, представителями государства, вместе с ним отчужденными от общества, которое описывают, информацию о котором собирают и которого, до некоторой степени, боятся (ведь «жертва» — это мы, государство). Причем, как мы видели, дилеммы имперского разнообразия и национализма, собственно колониального управления оказываются здесь неотрывными от проблем во внутреннем политическом порядке[64].

Последнее утверждение близко идеям А. Эткинда о «внутренней колонизации», с его точки зрения специфичной для России (отмечая, что российское государство — это континентальная империя, он делает акцент на том, что колонизация здесь направлена на собственный народ даже в большей степени, чем на этнически чужие сообщества) [Эткинд 2013; Эткинд и др. 2012]. Но, может быть, продуктивнее описывать эту ситуацию в прежних терминах национализирующегося (и национализирующего) государства[65] — тем не менее в рассматриваемое время разведывательного? Этот большой вопрос оставим, однако, на будущее[66].

Создается впечатление, что, описывая внутреннего врага, наши чиновники говорят о зыбкости «существующего государственного строя» и ждут надвигающейся катастрофы. Иными словами, эти правительственные лица уже встречают Первую мировую войну фрустрированными (и это не кажется странным на фоне российских катаклизмов начала века — Русско-японской войны, революции 1905–1907 гг., роста радикальных настроений, как и революций по соседству на Востоке, и т. д.). Создание образа внутреннего врага, панисламиста в частности, оказывается компенсацией таких фрустраций. Так сплетаются в букет — в пространстве межреволюционных страхов — три «алые розы Востока»: «панисламизм», ориентализм и шпиономания.

---

[64] Разумеется, дальнейший кризис военных лет, включая шпиономанию и конспирологические теории, трактуется исследователями и в контексте кризиса внутреннего политического порядка тоже. Б.И. Колоницкий описывает его в терминах фрагментации политической культуры того времени, монархического сознания в частности, отмечая при том общий «патриархально-авторитарный знаменатель» разных культурных сегментов [Колоницкий 2010: особ. 551–565]. Противоречит ли этому «национализация империи», увиденная Э. Лором, или она представляет одну из важных составляющих того же кризиса, тенденцию, смыкающуюся с ним?

[65] Ср. рецензии на книгу А. Эткинда, в частности [Платт 2012].

[66] Его рассмотрение потребовало бы, помимо прочего, вернуться к конкретике. Случайно ли, в частности, что в привлекших мое внимание примерах инструментализации дискурса о панисламизме (а выборка действительно была случайной, и материал широк) речь шла преимущественно о Туркестане и Бухаре, отчасти о Кавказе — т. е. об областях, в отличие от мусульманских анклавов внутренней России, более всего отделенных от метрополии? Туркестан мог восприниматься как «единственная» колония, а Бухара и вовсе была (и осталась) протекторатом. Иными словами, не окажется ли, что национализирующий модус дискурса о панисламизме все-таки по-разному «работал» применительно ко внутренним областям империи и к ее колониальным окраинам? Требуя отдельного рассмотрения, сказанное не отменяет, как представляется, моего главного тезиса: о разведывательном модусе существования этого государства в те годы.

Архивные источники

Военное шпионство 1911–1913 — Лица, зарегистрированные развед[ывательными] отделениями Штаба Турк[естанского] В[оенного] О[круга] и Ташк[ентского] К[онтр].Р[азведывательного] отд[еления], как подозреваемые в военном шпионстве в пользу Афганистана и о Панисламистском движении (Агентурные сведения). (РГВИА. Ф. 2000 (Главное управление генерального штаба). Оп. 15. Д. 179).

О волнениях 1913 — О волнениях в Бухаре и Афганистане (ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. Оп. 243. 1913. Д. 365).

Обзор 1910 — Обзор мусульманской печати в Империи в 1910 году и казанско-татарских газет в 1913 году (РГИА. Ф. 821. ДДДИИ. Оп. 133. Д. 451).

«Панисламизм» 1910 — Мусульманское движение «Панисламизм». Общепартийное центральное дело (ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. Оп. 240. 1910. Д. 74. Ч. 1–2).

«Панисламизм» 1913 — Мусульманское движение «Панисламизм». Общепартийное центральное дело (ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. Оп. 243. 1913. Д. 74).

«Панисламизм» 1916 — Мусульманское движение «Панисламизм». Общепартийное центральное дело (ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. Оп. 246. 1916. Д. 74).

Панисламизм. Баку 1911 — Панисламизм. Гор. Баку. Комитетское дело (ГАРФ. Ф. 102. ДП.ОО. Оп. 241. 1911. Д. 74. Ч. 6).

Панисламизм. Кубанская область 1911 — Панисламизм. Кубанская область, гор. Екатеринодар и Черноморская губерния. Агентурные сведения (ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. Оп. 241. 1911. Д. 74. Ч. 36, л. Б).

Переписка 1906–1910 — Переписка с губернаторами, Главным управлением по делам печати и др. учреждениями и должностными лицами о расследовании деятельности неутвержденного Правительством мусульманского союза и в связи с появлением в периодической печати сведений об антиправительственных выступлениях магометан. 21 января 1906 г. — 23 сентября 1910 г. (РГИА. Ф. 821 (ДДДИИ). О. 8. Д. 1199).

Литература

Абашин и др. 2008 — Центральная Азия в составе Российской империи / Отв.ред. С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. М.: Нов. лит. обозрение, 2008.

Абашин и др. 2010 — *Абашин С. Н., Арапов Д. Ю., Бабаджанов Б. М.* и др. Россия — Средняя Азия. Т. 1: Политика и ислам в конце XVIII — начале XX вв. М.: URSS, ЛЕНАНД, 2010.

Абдурасулов, Сартори 2016 — *Абдурасулов У., Сартори П.*, Неопределенность как политика: размышляя о природе российского протектората в Средней Азии // Ab Imperio. 2016. № 3. С. 118–164.

Арапов 2002 — *Арапов Д. Ю.* Мусульманское движение в Средней Азии в 1910 г. (По архивным материалам Департамента полиции МВД Российской империи) // Сборник русского исторического общества. Т. 5 (153). М.: Рус. панорама, 2002. С. 127–134.

Арапов 2004 — *Арапов Д. Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX вв.). М.: [б. и.], 2004.

Арапов 2006 — *Арапов Д. Ю.* Императорская Россия и мусульманский мир. М.: Наталис, 2006.

Арапов, Котюкова 2004 — *Арапов Д., Котюкова Т.* Архивные материалы Министерства внутренних дел Российской империи о мусульманском движении начала XX века // Вестник Института Кеннана в России. Вып. 6. 2004. С. 57–71.

Аршаруни, Габидуллин 1931 — *Аршаруни А., Габидуллин Х.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М.; Л.: Безбожник, 1931.

Бартольд 1912 — *Бартольд В. В.* Халиф и султан // Мир Ислама. Т. 1. 1912. № 1. С. 203–226. № 2. С. 345–400.

Бессмертная 2010 — [*Бессмертная О. Ю.*] Культурный билингвизм? Игра смыслов в одной скандальной статье (Из истории отношений мусульманских оппозиционеров и русских «государственников» в позднеимперской России) // Бессмертная О. Ю., Журавский А. В., Смирнов А. В. и др. Россия и мусульманский мир: Инаковость как проблема. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 197–383.

Бессмертная 2012 — *Бессмертная О.* Мусульманский Азеф, или Игра в Другого: метаморфозы Магомет-Бека Хаджетлаше (Почти роман) // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. 2007–2009. Вып. 9 / Под ред. М. А. Бойцова, И. Н. Данилевского. М.: РГГУ, 2012. С. 209–298.

Бессмертная 2014 — *Бессмертная О. Ю.* Разведывательное государство? Как не развалился правительственный дискурс о панисламизме, или «тренировочная площадка» шпиономании в последние «мирные» годы Российской империи // Первая мировая война в «восточном измерении»: Сб. ст. / Ред.-сост. Т. А. Филиппова. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2014. С. 7–28.

Бессмертная 2017 — *Бессмертная О. Ю.* Только ли маргиналии? Три эпизода с «мусульманским русским языком» в поздней Российской империи // Islamology. Т. 7. No. 1. 2017. С. 139–179.

Бобровников 2008 — *Бобровников В.* Российские мусульмане после архивной революции: взгляд с Кавказа и из Болгарии // Ab Imperio. 2008. № 4. С. 313–333.

Брубейкер 2000 — *Брубейкер Р.* Мифы и заблуждения в изучении национализма // Ab Imperio. 2000. № 2. С. 247–268.

Воробьева 1999 — *Воробьева Е. И.* Мусульманский вопрос в имперской политике Российского самодержавия: вторая половина XIX века — 1917 г.: Дис. … канд. ист. наук / Ин-т российской истории РАН, С.-Петерб. филиал. СПб., 1999.

Джераси 2013 — *Джераси Р.* Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М.: Нов. лит. обозрение, 2013.

Дэвис 2013 — *Дэвис Ф.* Первая мировая война как испытание для империи: мусульмане на службе в царской армии // Большая война России: социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох / Ред. К. Бруиш, Н. Катцер. М.: Нов. лит. обозрение: 2013. С. 41–57.

Климович 1936 — *Климович Л. И.* Ислам в царской России. М.: Гос. антирелиг. изд-во. 1936.

Колоницкий 2010 — *Колоницкий Б. И.* Трагическая эротика: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Нов. лит. обозрение, 2010.

Котюкова 2011 — *Котюкова Т. В.* Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // Обозреватель. 2011. № 8. С. 98–126.

Котюкова 2016 — *Котюкова Т. В.* Окраина на особом положении: Туркестан в преддверии драмы. М.: Науч.-политич. книга, 2016.

Котюкова 2017 — Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном / Ред.-сост. Т. В. Котюкова. М.: Рус. импульс, 2017.

Лор 2012 — *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы первой мировой войны. М.: Нов. лит. обозрение, 2012.

Матвеева 1994 — *Матвеева Н. В.* Представительство России в Бухарском эмирате и его деятельность (1886–1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 1994.

Миллер 2008 — *Миллер А.* Империя Романовых и национализм. М.: Нов. лит. обозрение, 2008.

Миллер 2012 — *Миллер А.* История понятия *нация* в России // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода / Ред. Д. Сдвижков, И. Ширле. М.: Нов. лит. обозрение, 2012. Т. 2. С. 7–49.

Мусульманская печать 1987 — Мусульманская печать России в 1910 году / Под ред. В. Гольмстрем. Оксфорд: О-во исследования Средней Азии, 1987 [1-е изд.: СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1911] = The Muslim press in Russia in 1910. Oxford: Society for Central Asian Studies, 1987 (Reprint Series; № 12).

Перегудова 2000 — *Перегудова З. И.* Политический сыск в России: 1880–1917. М., РОССПЭН, 2000.

Платт 2012 — *Платт К.* Внутренняя колонизация: границы империй / границы теорий // Неприкосновенный запас. 2012. Т. 82. № 2. Цит. по электрон. версии. URL: http://www.nlobooks.ru/node/2081.

Рейтблат 1989 — *Рейтблат А. И.* Анзимиров В. А. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 74–75.

Тольц 2013 — *Тольц В.* «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М.: Нов. лит. обозрение, 2013.

Фуллер 2009 — *Фуллер У.* Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М.: Нов. лит. обозрение, 2009.

Халид 2005 — *Халид А.* Российская история и спор об ориентализме // Российская империя в зарубежной историографии: Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М.: Нов. изд-во, 2005. С. 311–323.

Эткинд 2013 — *Эткинд А.* Внутренняя колонизация: имперский опыт России. М.: Нов. лит. обозрение, 2013.

Эткинд и др. 2012 — Там, внутри: Практики внутренней колонизации в культурной истории России / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Нов. лит. обозрение, 2012.

Ямаева 1998 — Мусульманские депутаты Государственной думы России 1906–1917 гг.: Сб. документов и материалов / Сост. Л. А. Ямаева. Уфа: Китап, 1998.

Becker 2004 — *Becker S.* Russia's protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924. London; New York: Routledge, 2004 (1st ed.: 1968).

Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1960 — *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch.* Les mouvements nationaux chez les musulmans de Russie: le «sultangalievisme» au Tatarstan. Paris: Mouton, 1960.

Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1964 — *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch.* La presse et le mouvement national chez les musulmans de Russie avant 1920. Paris: Mouton, 1964.

Bessmertnaïa 2006 — *Bessmertnaïa O.* Le «panislamisme» existait-il? La controverse entre l'Etat et les réformistes musulmans de Russie (autour de la «Commission spéciale» de 1910) // Le choc colonial et l'islam. Les politiques religieuses des puissances coloniales en terre d'islam. Paris: La Découverte, 2006. P. 485–515.

Brooks 1985 — *Brooks J.* When Russia learned to read. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1985.

Brower 2003 — *Brower D.* Turkestan and the fate of the Russian Empire. London: Psychology Press, 2003.

Burke 1972 — *Burke E.* Pan-Islam and Moroccan resistance to French colonial penetration, 1900–1912 // The Journal of African History. Vol. 13. No. 1. 1972. P. 97–118.

Burke 1975 — *Burke E.* Moroccan resistance, Pan-Islam and German war strategy, 1914–1918 // Francia: Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. Bd. 3. 1975. P. 434–464.

Campbell 2015 — *Campbell E. I.* The Muslim question and Russian imperial governance. Bloomington; Indiana: Indiana Univ. Press, 2015.

Crews 2006 — *Crews R. D*. For prophet and tsar: Islam and empire in Russia and Central Asia. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2006.

Deringil 1998 — *Deringil S.* The well-protected domains: Ideology and legitimation of power in the Ottoman Empire, 1876–1909. London: I. B. Tauris, 1998.

Georgeon 2003 — *Georgeon F*. Abdülhamid II: le sultan-calife, 1876–1909. Paris: Fayard, 2003.

Gossman 2013 — *Gossman L.* The passion of Max von Oppenheim: Archaeology and intrigue in the Middle East from Wilhelm II to Hitler. Cambridge: Open Book Publishers, 2013.

Hagen 1998 — *Hagen M. von*. The Great War and the mobilization of ethnicity in the Russian Empire // Post-Soviet political order conflict and state building / Ed. by B. R. Rubin, J. Snyder. London; New York: Psychology Press, 1998.

Hurgronje 1923 — *Hurgronje C. S*. The holy war "made in Germany". 1915 // Verspreide Geschriften van C. Snouck Hurgronje. Bonn; Leipzig: K. Schroeder, 1923. Vol. 3. P. 257–284.

Karpat 2001 — *Karpat K*. The politicization of Islam: Reconstructing identity, state, faith, and community in the late Ottoman state. Oxford: Oxford Univ. Press, 2001.

Khalid 1998 — *Khalid A*. The politics of Muslim cultural reform: Jadidism in Central Asia. Berkeley: Univ. of California Press, 1998.

Khalid 2005 — *Khalid A.* Pan-Islamism in practice: The rhetoric of Muslim unity and its uses // Late Ottoman society: The intellectual legacy / Ed. by E. Özdalga. New York: RoutledgeCurzon, 2005. P. 201–224.

Landau 1990 — *Landau J.* The politics of Pan-Islam: Ideology and organization. Oxford: Clarendon Press, 1990.

Landau 2002 — *Landau J. M*. Pan-Islamism // The Encyclopaedia of Islam: CD-ROM Edition. Leiden: Brill, 2002.

Lewis 1968 — *Lewis B.* The emergence of modern Turkey. London: Oxford Univ. Press, 1968 (1st ed.: 1961).

Maiorova 2010 — *Maiorova O.* From the shadow of empire: Defining the Russian nation through cultural mythology, 1855–1870. Madison, WI: Univ of Wisconsin Press, 2010.

Marchand 2009 — *Marchand S. L.* German Orientalism in the age of empire: Religion, race and scholarship. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009.

Morrison 2009 — *Morrison A*. "Applied Orientalism" in British India and Tsarist Turkestan // Comparative Studies in Society and History. Vol. 51. No. 3. 2009. P. 619–647.

Noack 2001 — *Noack Ch*. State policy and its impact on the formation of a Muslim identity in the Volga-Urals // Islam in politics in Russia and Central Asia: Early XVIII to late XX centuries / Ed. by S. A. Dudoignon, H. Komatsu. London: Routledge, 2001. P. 3–26.

Özcan 1997 — *Özcan A.* Pan-Islamism: Indian Muslims, the Ottomans and Britain (1877–1924). Leiden: Brill, 1997.

Reynolds 2011 — *Reynolds M. A.* Shattering empires: The clash and collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908–1918. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011.

Rodinson 1980 — *Rodinson M*. La fascination de l'Islam: Les étapes du regard occidental sur le monde musulman; Les études arabes et islamiques en Europe. Paris: François Maspero, 1980.

Roy 1992 — *Roy O.* L'Echec de l'Islam politique. Paris: Seuil, 1992.

Satia 2008 — *Satia P*. Spies in Arabia: The Great War and the cultural foundations of Britain's covert empire in the Middle East. New York: Oxford Univ. Press, 2008.

Schimmelpenninck van der Oye 2010 — *Schimmelpenninck van der Oye D.* Russian Orientalism: Asia in the Russian mind from Peter the Great to the emigration. New Haven: Yale Univ. Press, 2010.

Schwanitz 2004 — *Schwanitz W. G*. The German Middle Eastern policy, 1871–1945 // trafo Verlagsgruppe Dr. Wolfgang Weist. Berlin, 2004. URL: http://trafoberlin.de/pdf-dateien/German%20Middle%20Eastern%20Policy.pdf.

Thomas 2008 — *Thomas M.* Empires of intelligence: Security services and colonial disorder after 1914. Berkeley: Univ. of California Press, 2008.

Triaud 1995 — *Triaud J.-L.* La légende noire de la Sanûsiyya: Une confrérie musulmane saharienne sous le regard français, 1840–1930. Paris: Les Editions de la MSH, 1995.

Zenkovsky 1960 — *Zenkovsky S.* Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1960.

Сокращения

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

ГЖУ — Губернское жандармское управление.

ДДДИИ — Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД.

ДП — Департамент полиции МВД.

ОО — Особый отдел Департамента полиции МВД.

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.

РГИА — Российский государственный исторический архив.

"The scarlet roses of the Orient": "Pan-Islamism", Orientalism, and spy-mania in the last peaceful years of the Russian Empire. *An empire of intelligence*?

Bessmertnaya, Olga Yu.
PhD (Candidate of Science in Cultural History)
Senior Researcher, Institute for Oriental and Classical Studies,
National Research University Higher School of Economics
Russia, 105066, Moscow, 21/4 Staraia Basmannaia str., bld. 3
Tel.: +7 (495) 772-95-90
E-mail: obessmertnaya@hse.ru

Abstract. The paper analyses the discourse on pan-Islamism (the perceived Islamic menace both to the 'global' European civilization and the integrity of the Russian Empire) in Russian imperial structures (especially, the Ministry of the Interior) during 1910–1914. The discourse is considered as one of the institutionalized ways of constructing Russia's 'own' Muslim other (along with the foreign one) and, simultaneously, as construction of an 'internal enemy'. The key question considered in the paper is why the discourse preserved its productivity and explanatory force in spite of its instrumentalization revealed at the previous step of the analysis: the correspondence between the center and the local authorities and inter-ministerial conflicts (analyzed, mainly, for Turkestan and Bukhara) show that it used to be manipulated according to situational needs. The complexity of the discourse's functions is suggested as an explanation of its force. Its Orientalism (where Muslims were seen as an organic cultural/racial whole) combined with conspiracy theory formed a channel for the spy-mania that would explode in the WWI years: the nationalizing, unifying trends counter-

ing imperial diversity made their common ground. Its instrumentalization was going on within the framework of the same myth. Yet in the interaction with the positive (but equally 'Orientalist') modeling of the Empire's 'loyal' Muslim subjects, 'pan-Islamism' tended to be reinterpreted as a 'revolutionary' political party, thus echoing the fears born in the Russian revolutionary context. Mass literature nourished the whole. Compensating for the frustrations of the eve of WWI, the complex seems to reflect the officials' vision of their own role as alienated from the population of the Empire and having but the intelligence service methods for controlling and governing it, while the colonial and domestic political orders were tightly intertwined.

Keywords: Russian Empire, early XX century, Muslims in Russia, pan-Islamism, Orientalism, spy-mania, intelligence services, mass literature, colonial State, Turkestan, Bukhara, Ministry of the Interior, World War I

References

Abashin, S. N., Arapov, D. Iu., Bekmakhanova, N. E. (Eds.). (2008). *Tsentral'naia Aziia v sostave Rossiiskoi imperii* [Central Asia within the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Abashin, S. N., Arapov, D. Iu., Babadzhanov, B. M., et al. (2010). *Rossiia — Sredniaia Aziia* [Russia — Central Asia]. (Vol. 1): *Politika i islam v kontse XVIII — nachale XX vv.* [Politics and Islam in the late 18th — early 20th cc.]. Moscow: URSS, LENAND. (In Russian).

Abdurasulov, U., Sartori, P. (2016). Neopredelennost' kak politika: razmyshliaia o prirode rossiiskogo protektorata v Srednei Azii [Ambiguity as politics: Making sense of the nature of the Russian protectorate in Central Asia]. *Ab Imperio, 2016*(3), 118–164. (In Russian).

Arapov, D. Iu. (2002). Musul'manskoe dvizhenie v Srednei Azii v 1910 g. (Po arkhivnym materialam Departamenta politsii MVD Rossiiskoi imperii) [The Muslim movement in Central Asia in 1910 (According to archival materials of the Police Department of the Ministry of the Interior of the Russian Empire)]. *Sbornik russkogo istoricheskogo obshchestva* [Studies of the Russian Historical Society] (Vol. 5 (= 153)), 127–134. Moscow: Russkaia panorama. (In Russian).

Arapov, D. Iu. (2004). *Sistema gosudarstvennogo regulirovaniia islama v Rossiiskoi imperii (posledniaia tret' XVIII — nachalo XX vv.)* [The system of state regulation of Islam in the Russian Empire (the last third of the 18th — early 20th centuries)]. Moscow: [n. p.]. (In Russian).

Arapov, D. Iu. (2006). *Imperatorskaia Rossiia i musul'manskii mir* [Imperial Russia and the Muslim world]. Moscow: Natalis. (In Russian).

Arapov, D., Kotiukova, T. (2004). Arkhivnye materialy Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi imperii o musul'manskom dvizhenii nachala XX veka [Archival materials of the Ministry of the Interior of the Russian Empire on the Muslim movement of the early 20th century]. *Vestnik Instituta Kennana v Rossii* [Vestnik of the Kennan Institute in Russia], *6*, 57–71. (In Russian).

Arsharuni, A., Gabidullin, Kh. (1931). *Ocherki panislamizma i pantiurkizma v Rossii* [Essays on Pan-Islamism and Pan-Turkism in Russia]. Moscow; Leningrad: Bezbozhnik. (In Russian).

Bartol'd, V. V. (1912). Khalif i sultan [Caliph and Sultan]. *Mir Islama* [The world of Islam], *1*(1), 203–226, *1*(2), 345–400. (In Russian).

Becker, S. (2004). *Russia's protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924*. London; New York: Routledge (1st ed.: 1968).

Bennigsen, A., Lemercier-Quelquejay, Ch. (1960). *Les mouvements nationaux chez les musulmans de Russie: le "sultangalievisme" au Tatarstan.* Paris: Mouton. (In French).

Bennigsen, A., Lemercier-Quelquejay, Ch. (1964). *La presse et le mouvement national chez les musulmans de Russie avant 1920*. Paris: Mouton. (In French).

Bessmertnaïa, O. (2006). Le «panislamisme» existait-il? La controverse entre l'Etat et les réformistes musulmans de Russie (autour de la «Commission spéciale» de 1910). In P.-J. Luizard (Ed.). *Le choc colonial et l'islam. Les politiques religieuses des puissances coloniales en terre d'islam*, 485–515. Paris: La Découverte. (In French).

Bessmertnaya, O. Iu. (2010). Kul'turnyi bilingvizm? Igra smyslov v odnoi skandal'noi stat'e (Iz istorii otnoshenii musul'manskikh oppozitsionerov i russkikh "gosudarstvennikov" v pozdneimperskoi Rossii) [Cultural bilingualism? The play of meanings in one scandalous article (from the history of Muslim opposition and Russian 'state-defenders' relations in late imperial Russia)]. In O. Iu. Bessmertnaya, A. V. Zhuravskii, A. V. Smirnov et al. *Rossiia i musul'manskii mir: Inakovost' kak problema* [Russia and Islamic world: Otherness problematized], 197–383. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian).

Bessmertnaya, O. (2012). Musul'manskii Azef, ili igra v Drugogo: metamorfozy Magomet-Beka Khadzhetlashe (Pochti roman) [A "Muslim Azef", or Playing the Other: Metamorphoses of Maghomet-Bek Hadjetlaché (Almost a novel)]. In M. A. Boitsov, I. N. Danilevskii (Eds.). *Kazus: individual'noe i unikal'noe v istorii* [Casus: The individual and unique in history] (Issue 9: 2007–2009), 209–298. Moscow: RGGU. (In Russian).

Bessmertnaya, O. Iu. (2014). Razvedyvatel'noe gosudarstvo? Kak ne razvalilsia pravitel'stvennyi diskurs o panislamizme, ili "trenirovochnaia ploshchadka" shpionomanii v poslednie "mirnye" gody Rossiiskoi imperii [An intelligence state? Why the governmental discourse on Pan-Islamism did not fall apart, or a 'training ground' of spy-mania in the last peaceful years of the Russian Empire]. In T. A. Filippova (Ed.). *Pervaia mirovaia voina v "vostochnom izmerenii"* [The Eastern dimension of WWI], 7–28. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN. (In Russian)

Bessmertnaya, O. Iu. (2017). Tol'ko li marginalii? Tri epizoda s "musul'manskim russkim iazykom" v pozdnei Rossiiskoi imperii [Mere marginalia? Three cases of 'Muslim Russian' in the late Russian Empire (the 1890s–1910s)]. *Islamology, 7*(1), 139–179. (In Russian).

Bobrovnikov, V. (2008). Rossiiskie musul'mane posle arkhivnoi revoliutsii: vzgliad s Kavkaza i iz Bolgarii [Russian Muslims after the archival revolution: A view from the Caucasus and Bulgaria]. *Ab Imperio, 2008*(4), 313–333. (In Russian).

Brooks, J. (1985). *When Russia learned to read*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.

Brower, D. (2003). *Turkestan and the fate of the Russian Empire.* London: Psychology Press.

Brubeiker, R. (2000). Mify i zabluzhdeniia v izuchenii natsionalizma [Trans. from Brubaker, R. (1998). Myths and misconceptions in the study of nationalism. In J. Hall (Ed.). *The state of the nation: Ernest Gellner and the theory of nationalism*, 272–306. Cambridge: Cambridge Univ. Press]. *Ab Imperio, 2000*(2). 247–268. (In Russian).

Burke, E. (1972). Pan-Islam and Moroccan resistance to French colonial penetration, 1900–1912. *The Journal of African History, 13*(1), 97–118.

Burke, E. (1975). Moroccan resistance, Pan-Islam and German war strategy, 1914–1918. *Francia: Forschungen zur westeuropäischen Geschichte, 3*, 434–464.

Campbell, E. I. (2015). *The Muslim question and Russian imperial governance*. Bloomington; Indiana: Indiana Univ. Press.

Crews, R. D. (2006). *For prophet and tsar: Islam and empire in Russia and Central Asia*. Cambridge: Harvard Univ. Press.

Deringil, S. (1998). *The well-protected domains: Ideology and legitimation of power in the Ottoman Empire, 1876–1909*. London: I. B. Tauris.

Devis, F. [= Davies, F.] (2013). Pervaia mirovaia voina kak ispytanie dlia imperii: musul'mane na sluzhbe v tsarskoi armii [The First World War as a test for the empire: Muslims serving in the tsarist army]. In K. Bruish, N. Kattser (Eds.). *Bol'shaia voina Rossii: sotsial'nyi poriadok, publichnaia kommunikatsiia i nasilie na rubezhe tsarskoi i sovetskoi epokh* [The Great War in Russia: Social order, public communication and violence at the turn of the tsarist and Soviet Periods], 41–57. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Etkind, A. (2013). *Vnutrenniaia kolonizatsiia: imperskii opyt Rossii* [Transl. from Etkind, A. (2011). *Internal colonization: Russia's imperial experience*. London: Wiley]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Etkind, A., Uffel'mann, D., Kukulin, I. (2012). *Tam, vnutri*: *Praktiki vnutrennei kolonizatsii v kul'turnoi istorii Rossii* [There, inside: Practices of internal colonization in the cultural history of Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Fuller, V. (2009). *Vnutrennii vrag: Shpionomaniia i zakat imperatorskoi Rossii* [Trans. from Fuller, W. C. (2006). *The foe within: Fantasies of treason and the end of Imperial Russia*. Ithaca: Cornell Univ. Press]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Georgeon, F. (2003). *Abdülhamid II: le sultan-calife, 1876–1909*. Paris: Fayard. (In French).

Geraci, R. (2013). *Okno na Vostok: Imperiia, orientalizm, natsiia i religiia v Rossii*. [Trans. from Geraci, R. (2001). *Window on the East: National and imperial identities in late tsarist Russia*. Ithaca: Cornell Univ. Press]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Gossman, L. (2013). *The passion of Max von Oppenheim: Archaeology and intrigue in the Middle East from Wilhelm II to Hitler*. Cambridge: Open Book Publishers.

Hagen, M. von (1998). The Great War and the mobilization of ethnicity in the Russian Empire. In B. R. Rubin, J. Snyder (Eds.). *Post-Soviet political order conflict and state building.* London; New York: Psychology Press.

Hurgronje, C. S. (1923). The holy war "made in Germany". 1915. In *Verspreide Geschriften van C. Snouck Hurgronje* (Vol. 3), 257–284. Bonn; Leipzig: K. Schroeder.

Iamaeva, L. A. (Ed.) (1998). *Musul'manskie deputaty Gosudarstvennoi dumy Rossii 1906–1917 gg.: Sbornik dokumentov i materialov* [Muslim deputies of the State Duma of Russia, 1906–1917: Documents and materials]. Ufa: Kitap. (In Russian).

Karpat, K. (2001). *The politicization of Islam: Reconstructing identity, state, faith, and community in the late Ottoman state*. Oxford: Oxford Univ. Press.

Khalid, A. (1998). *The politics of Muslim cultural reform: Jadidism in Central Asia*. Berkeley: Univ. of California Press.

Khalid, A. (2005a). Pan-Islamism in practice: The rhetoric of Muslim unity and its uses. In E. Özdalga (Ed.). *Late Ottoman society: The intellectual legacy,* 201–224. New York: RoutledgeCurzon.

Khalid, A. (2005b). Rossiiskaia istoriia i spor ob orientalizme [Trans. from Khalid, A. (2000). Russian history and the debate over Orientalism. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian history, 1*(4), 691–700]. In P. Vert [= Wert], P. S. Kabytov, A. I. Miller (Eds.). *Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii: Raboty poslednikh let: Antologiia* [The Russian Empire in foreign historiography: Recent works: An anthology], 311–323. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russian).

Klimovich, L. I. (1936). *Islam v tsarskoi Rossii* [Islam in tsarist Russia]. Moscow: Gosudarstvennoe antireligioznoe izdatel'stvo. (In Russian).

Kolonitskii B. I. (2010). *Tragicheskaia erotika: Obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi mirovoi voiny* [Tragic erotic: Images of the Imperial Family during the First World War]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Kotiukova, T. V. (2011). Vosstanie 1916 g. v Turkestane: oshibka vlasti ili istoricheskaia zakonomernost'? [The uprising of 1916 in Turkestan: A mistake by the authorities or a historical necessity?]. *Obozrevatel'* [The Reviewer], *2011*(8), 98–126. (In Russian).

Kotiukova, T. V. (2016). *Okraina na osobom polozhenii: Turkestan v preddverii dramy* [A province of exclusive status: Turkestan in the run-up to the drama]. Moscow: Nauchno-politicheskaia kniga. (In Russian).

Kotiukova, T. V. (Ed.) (2017). *Vosstaniia 1916 g. v Aziatskoi Rossii: neizvestnoe ob izvestnom* [The 1916 uprisings in Asian Russia: the unknown about the well-known]. Moscow: Russkii impul's. (In Russian).

Landau, J. (1990). *The politics of Pan-Islam: Ideology and organization*. Oxford: Clarendon Press.

Landau, J. M. (2002). Pan-Islamism. In *The Encyclopaedia of Islam* (CD-ROM Edition). Leiden: Brill.

Lewis, B. (1968). *The emergence of modern Turkey*. London: Oxford Univ. Press. (1st ed.: 1961).

Lor, E. (2012). *Russkii natsionalizm i Rossiiskaia imperiia: kampaniia protiv "vrazheskikh poddannykh" v gody pervoi mirovoi voiny* [Trans. from Lohr, E. (2003). *Nationalizing the Russian Empire: The campaign against enemy aliens during World War I*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Maiorova, O. (2010). *From the shadow of empire: Defining the Russian nation through cultural mythology, 1855–1870*. Madison, WI: Univ of Wisconsin Press.

Marchand, S. L. (2009). *German Orientalism in the age of empire: Religion, race and scholarship*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Matveeva, N. V. (1994). *Predstavitel'stvo Rossii v Bukharskom emirate i ego deiatel'nost' (1886–1917 gg.)* [The Russian mission in the Bukhara Emirate and its activities (1886–1917)] (Thesis for the degree of Candidate of History Abstract). Dushanbe. (In Russian).

Miller, A. (2008). *Imperiia Romanovykh i natsionalizm* [The Romanov Empire and nationalism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Miller, A. (2012). Istoriia poniatiia natsiia v Rossii [History of the concept of nation in Russia]. In D. Sdvizhkov, I. Shirle (Eds.). *"Poniatiia o Rossii": K istoricheskoi semantike imperskogo perioda* ["Concepts on Russia": Towards the historical semantics of the Imperial Period] (Vol. 2), 7–49. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Morrison, A. (2009). "Applied Orientalism" in British India and Tsarist Turkestan. *Comparative Studies in Society and History, 51*(3), 619–647.

Musul'manskaia pechat' Rossii v 1910 godu [1st ed.: St. Petersburg: Tipografiia Ministerstva vnutrennikh del, 1911] = *The Muslim press in Russia in 1910.* V. Gol'mstrem (Ed.). Oxford: Society for Central Asian Studies (Reprint Series; № 12). (In Russian).

Noack, Ch. (2001). State policy and its impact on the formation of a Muslim identity in the Volga-Urals. In S. A. Dudoignon, H. Komatsu (Eds.). *Islam in politics in Russia and Central Asia: Early XVIII to late XX centuries*, 3–26. London: Routledge.

Özcan, A. (1997). *Pan-Islamism: Indian Muslims, the Ottomans and Britain (1877–1924)*. Leiden: Brill.

Peregudova, Z. I. (2000). *Politicheskii sysk v Rossii: 1880–1917* [Political investigation in Russia: 1880–1917]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia. (In Russian).

Platt, K. (2012) Vnutrenniaia kolonizatsiia: granitsy imperii / granitsy teorii [Internal colonization: Boundaries of empires / boundaries of theories]. *Neprikosnovennyi zapas* [Debates on politics and culture], *82*. Retrived from http://www.nlobooks.ru/node/2081. (In Russian).

Reitblat, A. I. (1989). Anzimirov V. A. In *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [Russian writers. 1800–1917: A biographical dictionary] (Vol. 1), 74–75. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia. (In Russian).

Reynolds, M. A. (2011). *Shattering empires: The clash and collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908–1918*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Rodinson, M. (1980). *La fascination de l'Islam: Les étapes du regard occidental sur le monde musulman (Les études arabes et islamiques en Europe)*. Paris: François Maspero. (In French).

Roy, O. (1992*). L'Echec de l'Islam politique*. Paris: Seuil. (In French).

Satia, P. (2008). *Spies in Arabia: The Great War and the cultural foundations of Britain's covert empire in the Middle East*. New York: Oxford Univ. Press.

Schimmelpenninck van der Oye, D. (2010). *Russian Orientalism: Asia in the Russian mind from Peter the Great to the emigration*. New Haven: Yale Univ. Press.

Schwanitz, W. G. (2004). The German Middle Eastern policy, 1871–1945. *trafo Verlagsgruppe Dr. Wolfgang Weist.* Berlin. Retrieved from http://trafoberlin.de/pdf-dateien/German%20Middle%20Eastern%20Policy.pdf.

Thomas, M. (2008). *Empires of intelligence: Security services and colonial disorder after 1914*. Berkeley: Univ. of California Press.

Tol'ts, V. (2013). *"Sobstvennyi Vostok Rossii": Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii i rannesovetskii period* [Trans. from Tolz, V. (2011). *Russia's own Orient: The politics of identity and Oriental studies in the late imperial and early Soviet periods*. Oxford: Oxford Univ. Press]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Triaud, J.-L. (1995). *La légende noire de la Sanûsiyya: Une confrérie musulmane saharienne sous le regard français, 1840–1930*. Paris: Les Editions de la MSH. (In French).

Vorob'eva [Campbell], E. I. (1999). *Musul'manskii vopros v imperskoi politike Rossiiskogo samoderzhaviia: vtoraia polovina XIX veka — 1917 g.* [The Muslim question in the imperial policy of the Russian autocracy: 2nd half of the 19th century — 1917] (Thesis for the degree of Candidate of History; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch). (In Russian).

Zenkovsky, S. (1960). *Pan-Turkism and Islam in Russia*. Cambridge: Harvard Univ. Press.

To cite this article:

Bessmertnaya, O. Yu. (2018). "Alye rozy Vostoka": "Panislamizm", orientalizm i shpionomaniia v poslednie mirnye gody Rossiiskoi imperii. *Razvedyvatel'naia imperiia*? ["The scarlet roses of the Orient": "Pan-Islamism", Orientalism, and spy-mania in the last peaceful years of the Russian Empire. *An empire of intelligence?*]. *Shagi / Steps, 4*(1), 9–44 (In Russian).

Received November 15, 2017